

ПЕРМСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

Выходятъ еженедѣльно по средамъ. Цѣна за годъ 5 руб., за 8 мѣсяцевъ 1867 года 3 рубля.

№ 23.

Подписка принимается въ Редакціи Епархіальныхъ Вѣдомостей, при Пермской духовной семинаріи, въ Перми.

5 Іюня 1868 года.

ОТДѢЛЪ ОФИЦІАЛЬНЫЙ.

Содержаніе: Высочайшій рескриптъ. Назначеніе преосвященнаго Иннокентія митрополита Московскаго первоприсутствующимъ членомъ Московской синодальной конторы. Отношеніе правленія С.-Петербургской семинаріи въ Пермское семинарское правленіе. Перемѣны по службѣ лицъ епархіальнаго вѣдомства. Служеніе Его Высочайшаго Священства.

1) ВЫСОЧАЙШІЙ Рескриптъ.

Преосвященный митрополитъ Московскій Иннокентій!

Во вниманіи къ святительскому служенію вашему, ознаменованному неумолимыми трудами и апостольскою ревностію въ распространеніи и утвержденіи истинной вѣры въ отдаленныхъ предѣлахъ отечества и неусышною заботливостію объ удовлетвореніи духовныхъ нуждъ вашей паствы, Я призналъ справедливымъ ввѣрить вамъ Московскую епархію, съ возведеніемъ въ санъ митрополита. Многоплодная ваша дѣятельность и всецѣлая преданность Церкви подають несомнѣнную надежду, что, по примѣру приспомятаго почившаго іерарха, митрополита Филарета и его доблестныхъ предшественниковъ, вы будете проходить новыя возложенныя на васъ обязанности съ тѣмъ же самоотверженіемъ и пользою для Церкви, коими отличалось прежнее служеніе ваше. Божественный Пастыреначальникъ да укрѣпитъ силы ваши въ сихъ предстоящихъ вамъ новыхъ священныхъ подвигахъ.

Препровождая къ вамъ бѣлый клубокъ, съ крестомъ изъ драгоценныхъ камней, и поручая Себя молитвамъ вашимъ, пребываю къ вамъ всегда благосклонный.

На подлинномъ собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано: „АЛЕКСАНДРЪ.“

Въ С.-Петербургѣ. 16 апрѣля 1868 г.

II. Назначеніе преосвященнаго Иннокентія, митрополита Московскаго, первоприсутствующимъ членомъ Московской синодальной конторы.

Господинъ исправляющій должность синодальнаго Оберъ-прокурора, отъ 19 минувшаго марта, предложилъ святѣйшему Синоду, что Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу его, въ 18-й день минувшаго марта Высочайше утвердить соизволилъ опредѣленіе святѣйшаго Синода о предоставленіи преосвященному митрополиту Иннокентію права быть, по примѣру его предѣстниковъ, первоприсутствующимъ членомъ Московской синодальной конторы, съ тѣмъ чтобы Московскій епархіальный преосвященный на будущее время, по самому званію его, считался и состоялъ первоприсутствующимъ членомъ сей конторы, съ полученіемъ, на предписанныхъ въ законѣ основаніяхъ, положеннаго по этому званію жалованья.

[Дух. Бесѣда № 19.]

III. Изъ правленія Санктпетербургской духовной семинаріи въ правленіе Пермской духовной семинаріи поступило отношеніе, отъ 16 апрѣля за № 219, слѣдующаго содержанія:

Пріѣзжающіе въ С.-Петербургъ для поступленія въ свѣтскія высшія учебныя заведенія, воспитанники духовныхъ семинарій весьма часто обращаются въ правленіе С.-Петербургской духовной семинаріи съ прошеніями, — неокончившіе курса — о допущеніи ихъ къ испытаніямъ для полученія ими свидѣтельства объ окончаніи полного гимназическаго курса, а окончившіе семинарскій курсъ — о производствѣ испытаній по одному изъ новѣйшихъ языковъ и сообщеніи Университетскому Совѣту объ удовлетворительномъ знаніи ими одного изъ сихъ языковъ. Удовлетвореніе симъ прошеніямъ подтверждаетъ правленіе С.-Петербургской духовной семинаріи большимъ затрудненіямъ и,

не составляя прямыхъ его обязанностей, отвлекаетъ отъ исполненія обязанностей, непосредственнымъ образомъ его касающихся.

Правленіе С.-Петербургской духовной семинаріи, съ разрѣшенія Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго митрополита Исидора, покорнѣе проситъ правленіе Пермской духовной семинаріи объявить воспитанникамъ оной, чтобы они являлись въ С.-Петербургъ съ необходимыми для поступленія въ высшія учебныя заведенія документами, полученными отъ своихъ начальствъ, и не беспокоили прошеніями о выдачѣ сихъ документовъ правленіе С.-Петербургской духовной семинаріи, которое съ сего времени всѣ подобныя прошенія будетъ оставлять безъ удовлетворенія.

IV. *Перемѣны по службѣ мнѣ епархіальнаго вѣдомства.*

Перемѣщенъ исправляющій должность пономаря при Кушвинскомъ Свято-Троицкомъ соборѣ *Александръ Посохинъ* на дьяческое мѣсто къ той же церкви.

Опредѣлены: учитель Далматовскаго духовнаго училища священникъ *Николай Макушинъ* въ Балаирское село, камышловскаго уѣзда; исключенный изъ низшаго отдѣленія ученикъ семинаріи *Василій Василевскій* на пономарское мѣсто къ Кушвинскому Свято-Троицкому собору; исключенный изъ низшаго отдѣленія Далматовскаго духовнаго училища ученикъ *Петръ Филитовъ* на пономарскую должность въ Юрмытское село, камышловскаго уѣзда.

Назначено производство: во священника кончившему курсъ семинаріи *Евгенію Хлбину* въ Баранчинскій заводъ, верхотурскаго уѣзда, къ Покровской церкви; учителю Далматовскаго духовнаго училища *Александрю Болюпову* въ Новотуринское село, верхотурскаго уѣзда; во діакона: исключенному изъ средняго отдѣленія семинаріи ученику *Стефану Шерстобитову* въ Буткинское село, шадринскаго уѣзда.

V. *Служенія Его Высокопреосвященства.*

26-го сего мая въ недѣлю всѣхъ святыхъ Его Высокопреосвященствомъ освященъ новый придѣлъ въ честь Срѣтенія Господня въ Мотовилихинской Свято-Троицкой церкви. Освященіе придѣла Его Высокопреосвященство совершалъ въ сослуженіи градо-пермскаго благочиннаго протоіерея Андрея Пу-

рикордова, мѣстнаго благочиннаго протоіерея Александра Луканина, ключари священника Саввы Попова, священника Юговскаго завода Іоанна Лазарева и мѣстныхъ священниковъ Александра и Петра Поповыхъ. Послѣ освященія въ новоосвященномъ придѣлѣ совершена была Его Высокопреосвященствомъ литургія съ тѣми же сослужащими, кромѣ священниковъ Лазарева и Петра Попова. За литургіею проповѣдь говорилъ мѣстный священникъ Александръ Поповъ. По окончаніи литургіи, по случаю празднованія въ этотъ день тезоименитства Ихъ Императорскихъ Высочествъ Благовѣрныхъ Государей Великихъ Князей Алексія Александровича, Константина Николаевича и Константина Константиновича и Благовѣрной Государыни Великой Княгини Елены Павловны и рожденія Ея Императорскаго Высочества Благовѣрной Государыни Великой Княгини Александры Петровны, совершенно было Его Высокопреосвященствомъ благодарственное Господу Богу молебствіе о здравіи и спасеніи Императорскаго Дома съ тѣми же сослужащими.

Въ Пермскомъ кафедральномъ соборѣ означенное молебствіе по окончаніи литургіи совершено было о. ректоромъ семинаріи архимандритомъ Александромъ съ градскимъ духовенствомъ.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Содержаніе: О педагогическихъ занятіяхъ при Пермской семинаріи (статья 3).
Отзывъ на газетную статью „Сына Отечества“ относительно замѣны письменныхъ записокъ, по которымъ нынѣ ведется преподаваніе въ семинаріяхъ, печатными учебниками. О пребываніи въ городѣ Екатеринбургѣ Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Московскаго Иннокентія, во время проѣзда его изъ Благовѣщенска на Амуръ въ Москву.

О педагогическихъ занятіяхъ при Пермской семинаріи.

Статья 3.

Опытъ начальныхъ катихизическихъ бесѣдъ съ дѣтьми въ воскресной школѣ.

Предлагаемый опытъ катихизическихъ бесѣдъ съ дѣтьми производилъ я самъ въ воскресной школѣ, съ мальчиками отъ 7 до 10 лѣтъ. Само собою разумѣется, что при устномъ, импровизированномъ способѣ веденія этихъ бесѣдъ многое въ нихъ выражено было не такъ, какъ изложено теперь на бумагѣ; но существенное въ нихъ, т. е. главныя мысли, способъ ихъ развитія и въ особенности тонъ рѣчи удержаны именно въ томъ видѣ, въ какомъ они были на самомъ дѣлѣ. Эти бесѣды были сказаны еще въ то время, когда наша воскресная школа начинала только - что развиваться и устриваться. Воспитанники семинаріи, по новости дѣла, еще не привыкли тогда дѣйствовать сами въ качествѣ учителей; посему на первыхъ порахъ я, въ качествѣ руководителя школы, и принялъ на себя обязанность вести эти бесѣды съ дѣтьми. Не могу сказать, что мои бесѣды были всегда и вполнѣ удачны, т. е. дѣйствовали благотворно на первое умственное и религиозно-нравственное развитіе моихъ маленькихъ питомцевъ. Только на опытѣ я убѣдился, какъ трудно учить маленькихъ дѣтей, и сколько для этого нужно добытаго усердной и разумной практикой педагогическаго искусства. Я понялъ тогда, что если и вообще ораторъ долженъ быть — *vir bonus, dicendi peritus*, то еще тѣмъ бо-

лѣе долженъ быть дѣтскій ораторъ—человѣкомъ съ добрымъ сердцемъ, образованнымъ умомъ и даромъ живаго, увлекающаго слова. Не смотря, однакожь, на недостатокъ такихъ качествъ, я старался сколько умѣлъ, основать свои бесѣды на указаніяхъ педагогики и соображался, сколько могъ, съ требованіями этой науки. Постараюсь изложить вкратцѣ тѣ основныя педагогическія начала, которыя я имѣлъ въ виду при изложеніи своихъ бесѣдъ.

Предметомъ этихъ бесѣдъ служить ученіе о томъ, что такое *молитва* вообще, и потомъ объясненіе *молитвы Господней*. Но курсъ катихизическихъ бесѣдъ начался собственно не съ этого предмета. Прежде всего было предложено предъ сознаниемъ и религіознымъ чувствомъ дѣтей объясненіе первой и коренной истины нашего сознанія и вѣры—истины бытія Божія. Такимъ образомъ, когда въ дѣтскихъ душахъ уже приготовилась почва, въ которой можно было внѣдрять сѣмена религіи, началось собственно религіозное *обученіе*, и здѣсь на первомъ планѣ была поставлена *молитва*. Молитва есть первое дѣло, которымъ ознаменовывается религіозная жизнь дитяти. Дитя молится по прирожденному всякой душѣ человѣческой религіозному чувству, молится, такъ сказать, инстинктивно, еще не понимая, и не сознавая, что такое *молитва*. Итакъ сама природа дѣтской души указываетъ намъ путь, по которому должно итти въ дѣлѣ обученія религіи. Но первая и лучшая изъ всѣхъ молитвъ есть, конечно, *молитва Господня*, не только по авторитету своего Божественнаго происхожденія, но и по своей удивительной простотѣ и ясности и по своему многообъемлющему содержанию. Что касается ея простоты, то конечно не найдется никакой другой молитвы, которая была бы болѣе доступна для дѣтскаго пониманія. Между тѣмъ, въ краткомъ и сжатомъ видѣ она обнимаетъ собою очень обширное содержаніе и заключаетъ въ себѣ, какъ въ сѣмени, зародыши многихъ догматическихъ и нравственныхъ истинъ. Такъ, при анализѣ содержанія этой молитвы дѣти получаютъ изъ первыхъ же словъ—*Отче нашъ*—понятіе о Богѣ, какъ Творцѣ и Промыслителѣ, и о свойствахъ Божіихъ—всемогуществѣ, премудрости, благодати, любви и др.; объясненіе слова—*на небесахъ*—раскрываетъ нѣкоторое ученіе о мірѣ духовномъ; объясненіе—что значитъ *святить имя Божіе*—даетъ понятіе о нравственно-добрыхъ дѣйствіяхъ человѣка,—о *святости*, а равно и о противоположномъ тому состояніи—о нравственно-злыхъ дѣйствіяхъ, о *грѣховности*; объясненіе словъ—*да приидетъ царствіе Твое*—даетъ понятіе о вѣшнемъ царствѣ Божіемъ—Церкви, и о будущемъ царствѣ славы на небесахъ; объясненіе словъ—*да будетъ воля Твоя*—ученіе о безусловной и безпредѣльной преданности Провидѣнію, о вѣрѣ въ торжество добра и прав-

ды; объясненіе прошенія о *насушиномъ хлѣбѣ*—ученіе о томъ, что должно къ Богу обращаться во всёхъ своихъ нуждахъ; объясненіе прошенія объ *оставленіи домовъ*—ученіе о христіанской взаимной любви, терпѣннѣ, смиреннѣ, незлобіи; объясненіе словъ—*не введи насъ во искушеніе*—ученіе объ искушеніяхъ и о борьбѣ съ грѣховными влеченіями; наконецъ объясненіе *седьмого* прошенія—ученіе объ искусителѣ. Какой богатый матеріалъ предметовъ для религіознаго обученія! И что особенно замѣчательно—объясненіе послѣдняго прошенія приводитъ прямо къ разсказу о первомъ несчастномъ фактѣ человеческой исторіи, который есть вмѣстѣ съ тѣмъ и первый фактъ исторіи откровенной религіи—къ разсказу о грѣхопаденіи человѣка. Такимъ образомъ оказывается, что на объясненіе молитвы Господней весьма можно смотрѣть, какъ на приготовленіе дѣтей къ дальнѣйшимъ ступенямъ религіознаго знанія, именно священной исторіи и катихизису.

Итакъ вотъ *основаніе*, по которому объясненіе ученія о молитвѣ было выбрано мною для начальныхъ катихизическихъ бесѣдъ съ дѣтьми по Закону Божию.

Теперь нѣсколько словъ о *способѣ*, какимъ были ведены эти бесѣды. Педагогика говоритъ, что наилучшій способъ изложенія какого бы то ни было учебнаго матеріала для дѣтей есть *анализъ*, состоящій, какъ извѣстно, въ движеніи мысли отъ частнаго къ общему. Даже для людей взрослыхъ, но мало развитыхъ, это самая лучшая форма обученія. Но анализъ, дѣлаемый для дѣтей, подлежитъ еще нѣкоторымъ особеннымъ условіямъ. Дѣти любятъ все знать въ подробности; что для взрослого общеизвѣстно, *старо*, то для нихъ еще *ново*, неизвѣстно. Посему подробности, излишнія для взрослыхъ, имѣютъ свой смыслъ въ бесѣдахъ съ дѣтьми. На этомъ основаніи я старался во всемъ моемъ объясненіи провести подробный анализъ. Такъ я поступаю съ самаго начала: объясняя, что значитъ молиться, я пытаюсь разложить аналитически содержаніе понятія *молитва* на его составные и существенные элементы. Потомъ перехожу къ объясненію понятія *какъ* должно молиться и въ этомъ случаѣ стремлюсь къ тому, чтобы опять путемъ анализа раскрыть какъ *внутреннія* принадлежности молитвы (мысли и чувства, или вообще душевное расположеніе), такъ и *внѣшнія* ея свойства (тѣлоположенія и тѣлодвиженія, въ которыхъ она выражается). За тѣмъ я перехожу къ объясненію самой молитвы *Отче нашъ*, и здѣсь аналитическое изложеніе моей бесѣды принимаетъ прежде всего форму *перифразы*, и по мѣстамъ переходитъ въ *разсказъ*.

Перифразомъ вообще называется объяснительное распространеніе рѣчи. Въ этомъ случаѣ обыкновенно пользуются этимологіей рѣчи, синонимами, эпи-

тетами, сравненіями, уподобленіями, параллелями, аналогіями, описаніями, — вообще всѣмъ, что можетъ способствовать возбужденію ясныхъ и отчетливыхъ представленій объ объясняемомъ предметѣ. Посему, производя объясненіе молитвы, я прежде всего перевожу каждое слово текста ея съ славянскаго языка на русскій, чтобы по возможности представить вниманію дѣтей простой и ясной смыслъ текста молитвы. Потомъ, пользуясь разными перифрастическими приѣмами, я стараюсь объяснить каждое слово молитвы, и наконецъ, представить вкратцѣ, въ нѣсколькихъ словахъ, общій смыслъ объясненнаго пункта. По объясненіи же всей молитвы, я перифразирую все ея содержаніе на простой, понятный для дѣтей языкъ.

Разсказъ признается также весьма важною и весьма пригодною формою бесѣды съ дѣтьми особенно при первоначальномъ обученіи. Главнымъ условіемъ разсказа для дѣтей, по требованію педагогики, должна быть *изобразительность*, т. е. представленіе предмета или факта такими ясными, рельефными чертами, какъ бы онъ былъ прямо предъ глазами дѣтей. Конечно, способность *живописать словомъ* есть особенное искусство; тѣмъ не менѣе для дѣтскаго учителя весьма важно умѣнье хорошо разсказывать. Этимъ путемъ, по признанію лучшихъ педагоговъ, онъ болѣе вліятельно можетъ подѣйствовать на развитіе учащихся, нежели выспрашиваніемъ у нихъ отвѣтовъ на свои вопросы. Итакъ, гдѣ представлялась возможность, я переходилъ къ разсказамъ, содержаніе коихъ заимствовалъ, какъ изъ области жизненныхъ явленій, извѣстныхъ дѣтямъ, такъ и изъ священной исторіи, къ изученію коей должны были готовить дѣтей эти предварительные уроки.

Что касается способа развитія самыхъ подробностей въ анализѣ разсказа для дѣтей, то онъ указывается, по моему мнѣнію, слѣдующимъ основнымъ положеніемъ педагогики: „иди въ обученіи всегда отъ ближайшаго къ отделенному, отъ болѣе извѣстнаго къ менѣе извѣстному, отъ конкретнаго къ абстрактному.“ На этомъ основаніи, объясненія, дѣлаемые дѣтямъ, должны заключать въ себѣ предметы, заимствованные *непрѣменно* изъ круга дѣтскихъ понятій, изъ содержанія ихъ мысли и чувства, изъ того, что они уже *знаютъ*, и что *пережили*. Въ нашемъ объясненіи, какъ увидятъ читатели, проглядываетъ именно это стремленіе перенестись въ дѣтскій міръ, стать въ кругъ извѣстныхъ имъ понятій, чувствъ и жизненныхъ явленій. Дѣло, по видимому простое, — а на самомъ дѣлѣ весьма трудное!

Въ силу того педагогическаго принципа, по которому *наглядность* представляется необходимымъ условіемъ при обученіи дѣтей, я старался обращаться, между прочимъ, и къ явленіямъ природы, которая всегда была и быва-

еть великою учительницею Богопознанія для людей, способных читать ее, как книгу откровения премудрости и благодати Божіей. Въ этомъ отношеніи я старался руководствоваться прекраснымъ наставленіемъ одного педагога (Карла Шмидта), которое хотя и обращено собственно къ матерямъ, но весьма важно и для педагоговъ. Неизлишнимъ считаю привести здѣсь эти слова: „первымъ учителемъ религіи бываетъ природа. Выведите ваше дитя подъ открытое небо; тамъ нѣтъ ни одного человѣческаго дѣла—повсюду дѣла Бога, которыя влекутъ насъ къ Нему и возбуждаютъ глубокое чувство нашей полной отъ Него зависимости. Отъ моря весеннихъ цвѣтовъ и отъ страшнаго величія грозы возводите взоръ вашего дитяти къ небесной высотѣ, къ Тому, Кто можетъ творить то, чего не въ силахъ творить люди, и передъ чѣмъ человѣкъ долженъ благоговѣнно преклоняться. Дайте ребенку находить и чувствовать Бога въ каждомъ цвѣтѣ, въ каждой звѣздѣ,—Его, Который живетъ и въ червякѣ, и въ млечномъ пути звѣздъ, и въ біеніи человѣческаго сердца. Научите дитя любить Вездѣсущаго, какъ Отца всего, что есть на небѣ и на землѣ, какъ Отца всѣхъ и всего, Который любитъ дитя отеческою любовію, и Который, какъ отецъ и мать, хочетъ быть любимымъ, т. е. хочетъ, чтобы соблюдались Его заповѣди, чтобы чтилась истина, творилась правда, всюду жила любовь и дѣлалось добро. Тогда невинныя дѣтскія уста станутъ сами скоро раскрываться, чтобы излить потокъ чувствъ въ молитвѣ,—въ этомъ высочайшемъ дѣйствіи человѣка, которое состоитъ въ безусловномъ преданіи самого себя вездѣсущему, всемогущему и вселюбящему Богу.“

Относительно самаго метода, по коему были производимы эти бесѣды, можно сказать слѣдующее. Педагогика говоритъ, что особенно-полезный методъ при первоначальномъ обученіи дѣтей вообще есть методъ *катехетическій*, состоящій въ вопросахъ и отвѣтахъ. Это, однакожь, не значить, что нужно только предлагать вопросы дѣтямъ и выжидать отъ нихъ отвѣтовъ. Дѣтскій учитель долженъ такъ устроить свой преподавательный діалогъ, чтобы вопросамъ всегда предшествовало *изложеніе*, объясненіе, и чтобы вопросы отнюдь не были однимъ скучнымъ выспрашиваніемъ, а только средствомъ къ освѣдомленію, дѣйствительно ли дѣти надлежащимъ образомъ усвоили предложенное имъ ученіе. Посему лучший методъ есть тотъ, въ которомъ и акроматизація, и катехизація, постоянно смѣняются другъ друга, т. е. послѣ объясненія слѣдуютъ вопросы, послѣ вопросовъ опять объясненіе, и такъ далѣе. Я такъ и старался поступать: сначала я произвожу объясненіе, потомъ перехожу къ вопросамъ и повторенію, за тѣмъ, увѣрившись, что дѣти по-

няли, какъ должно, объясненный имъ пунктъ ученія, перехожу къ другому, и такъ далѣе.

Относительно *объема* въ преподаваніи, педагогика говоритъ, что лекція для дѣтей не должна быть слишкомъ обширна по содержанію, и слишкомъ продолжительна по времени. Посему содержаніе каждой моей бесѣды представляетъ развитіе не многихъ главныхъ мыслей. Относительно времени должно замѣтить слѣдующее. Непрерывная рѣчь учителя, обращенная къ дѣтямъ продолжалась въ нашей школѣ минутъ пять и не много болѣе, если только это былъ *разсказъ*. Но при *объясненіяхъ* рѣчь учителя прерывалась распросами дѣтей гораздо чаще, почти послѣ каждаго объясненнаго пункта. Эти мѣста я означаю въ своихъ бесѣдахъ. Вся бесѣда продолжалась обыкновенно отъ 30—до 45 минутъ часа.

Вотъ нѣсколько предварительныхъ замѣчаній, которыя я считалъ нужными сдѣлать, для того, чтобы читатели могли стать на надлежащую точку зрѣнія, съ какой слѣдуетъ смотрѣть на предлагаемыя бесѣды.

Бесѣда первая.

Дѣти, я буду бесѣдовать съ вами сегодня о томъ, что значитъ *молиться Богу*. Отцы и матери ваши, конечно, учили уже васъ молиться Богу, и вы уже, конечно, много разъ маливались Богу—и дома, и въ церкви. Чтоже такое значитъ молиться Богу? Значитъ ли это только перекреститься, да поклониться передъ иконой, передъ образомъ? Что говорить, и о чемъ думаетъ человѣкъ, когда молится? И какъ надо молиться? Слушайте же внимательно, —я расскажу вамъ сначала, *что* значитъ молиться, а потомъ и то, *какъ* надо молиться.

1) *О томъ, что значитъ молиться.*

Какъ хорошо и весело бываетъ лѣтомъ! Вотъ ты просыпаешься утромъ, встаешь, посмотришь вокругъ себя: какъ прекрасно все, на что ни взглянешь! Небо голубое, чистое, ясное; на небѣ блеститъ свѣтлое теплое солнышко; въ воздухѣ весело летаютъ и поютъ птички; посмотришь въ окно—вездѣ зелень, цвѣточки. Тебѣ такъ и хочется на улицу, пойти поиграть гдѣ нибудь въ саду, или въ полѣ, или на зеленомъ лужкѣ. Выйдешь ты въ поле—какъ и тамъ все хорошо! Вотъ растутъ рожь, и колосья ея точно золотые; дунетъ по этимъ колосьямъ вѣтерокъ, и точно волны заходятъ по золотому морю. А цвѣтовъ-то, цвѣтовъ-то сколько вокругъ! И какіе все хоро-

менькіе! Тутъ и желтенькіе одуванчики, и голубенькіе колокольчики, и синенькіе васильки, — всякихъ цвѣтовъ, и розовыхъ, и красныхъ, и бѣлыхъ передъ тобой множество! А птички такъ и чирикаютъ надъ тобой въ воздухъ; въ травѣ гдѣ-то стрекочетъ кузнечикъ; на зеленомъ лужкѣ пасутся и щиплютъ травку лошадки, коровки, барашки, овечки. Тебѣ весело, хорошо тогда. Вотъ если ты скажешь тогда только про себя, либо въ слухъ для всѣхъ: „Господи, какъ хорошо, какъ прекрасно Ты все это сдѣлалъ,“ — это будетъ *молитва*. Ты тогда *хвалишь, славяшь* Бога за то, что Онъ добръ, *благъ*, и за это Ему *молишься*.

Хорошо бываетъ лѣтомъ днемъ, но и вечеромъ опять хорошо. Какъ пріятно бываетъ, напримѣръ, гулять въ полѣ въ вечернее время, когда дуетъ легонькій прохладный вѣтерокъ. Такъ тихо онъ шелеститъ по травкѣ, покачиваетъ цвѣточки. Солнышко ужъ не палитъ жаромъ, а тихо спускается все ниже и ниже, начинаетъ закатываться. Куда ни взглянешь, вездѣ чудно-хорошо. Взглянешь на облака: какія они тогда бываютъ хорошенькія! То розовыя, то красныя, то серебристыя, то темноватыя. Взглянешь внизъ: вонъ рѣка, точно зеркало, гладкая.... Но вотъ солнце закатилось, на поляхъ темнѣетъ. Птички прилетаютъ на деревья, разсидутся по вѣточкамъ, попрячутся въ листочки, завернутъ подъ крылышки головки, и начинаютъ засыпать. Скоро на небѣ заблестаютъ звѣздочки, выходитъ золотой мѣсяцъ. А между тѣмъ вездѣ все такъ тихо вокругъ! Вотъ если и тогда ты скажешь: „Господи! Какъ хорошо и прекрасно все это!“, — это тоже будетъ *молитва*. Ты опять *славяшь, хвалишь* Бога.

И все хорошо, все прекрасно въ мірѣ Божіемъ, если только начнешь всматриваться во все внимательно, да если у тебя доброе сердце. Прекрасно и небо, и солнце, и звѣзды, и мѣсяцъ; прекрасны и облака, и тучи, и дождь, и снѣгъ, и градъ, и вѣтры, и бури; прекрасна земля, и луга, и поля, и лѣса, и рѣки, и озера, и деревья, и цвѣты; прекрасны все животныя, какихъ мы видимъ на землѣ... И все это сотворилъ Господь Богъ. Когда мы чувствуемъ эту красоту въ Божіемъ мірѣ и говоримъ: „Господи, какъ Ты прекрасно все сотворилъ!“ — это будетъ *молитва*! Только надо понимать и чувствовать эту красоту, а для этого нужно, чтобы душа была добрая. Только добрые люди могутъ отъ сердца говорить Богу: „дивны дѣла Твои, Господи, все сотворилъ Ты прекрасно!“ ... Это вотъ и есть *молитва*. Сердце само какъ будто невольно чувствуетъ тутъ, что Богъ добръ, — *славить, хвалить* Его.

Запомните же это, дѣти, прежде всего: молиться значитъ *славить, хвалить* Бога, за то, что Онъ *благъ, добръ*, — за то, что Онъ все хорошо,

все прекрасно устроилъ (*). Теперь слушайте дальше. Видали вы, конечно, лѣтомъ не одинъ разъ грозу. День сначала бываетъ жаркой; солнце палитъ невыносимо; воздухъ какъ будто накаленъ; душно, тяжело... Но вотъ небо, доголѣ чистое, вдругъ заволакивается густыми, черными тучами. И носится эти тучи надъ нашими головами, точно тяжелый свинецъ. Вѣтеръ гонитъ ихъ со всѣхъ сторонъ. Пыль и песокъ такъ и носится въ воздухѣ столбомъ. Птички улетають и прячутся въ кусточкахъ, деревьяхъ и гнѣздушкахъ; коровки, лошадки и всѣ животныя тоже боязливо стараются куда нибудь укрыться. Дѣлается темно и днемъ, какъ будто вечеромъ, либо ночью. И вотъ вдругъ блеснетъ изъ-за черныхъ тучъ огненная стрѣлка. Страшный, ослѣпительный блескъ молніи мигомъ освѣтитъ темноту, и послѣ того дѣлается какъ-будто еще темнѣе. И тогда раздастся, и загрохочетъ громъ, и страшные раскаты его загремятъ надъ нашими головами. И полетится крупный дождь, а иногда застучитъ объ стекла крупный градъ..... Это Богъ гремитъ!—Если мы скажемъ тогда, перекрестясь: „Господи, Господи,—какъ Ты великъ и силенъ, какъ Ты могучъ и грозенъ,“—это тоже будетъ *молитва*.

Въ этомъ случаѣ мы тоже славимъ Бога за то, что Онъ *всемогущъ*. По этому *молиться* значить славить Бога не только за то, что Онъ добръ, а и за то, что Онъ *всемогущъ* (**).

Разсматривали ли вы когда нибудь внимательно какую нибудь маленькую букашку или хоть какой нибудь цвѣточекъ? Если бы разсматривали хорошенько, такъ навѣрно замѣтили бы, что даже самая маленькая букашка устроена очень умно, и самый простой цвѣточекъ сдѣланъ такъ хорошо, какъ людямъ никогда и не выдумать. Конечно, и люди иногда хорошо выдѣлываютъ разные цвѣтки; но это цвѣтки мертвые, а не живые. На эти цвѣтки не прилетитъ и не сидеть ни пчелка, ни бабочка. Ихъ не обманешь ни какимъ поддѣльнымъ цвѣткомъ! Вотъ, напримѣръ, эта пчелка: маленькая она мушка, а какая умница! Вѣчно летаетъ она надъ цвѣточками, собираетъ съ нихъ сладкіе соки, и умѣетъ дѣлать изъ нихъ медъ и воскъ. Или посмотрите на муравья: и онъ тоже маленькой—премаленькой крошка, а какой умной! Какъ онъ любитъ работать и трудиться! Разсмотрите, какъ хитро паукъ плетъ

(*). Слѣдуютъ распросы и повторенія.

При распросахъ я обращаю вниманіе не столько на то, чтобы спрошенный мальчикъ передалъ представленное мною изображеніе, сколько на то, чтобы изъ опыта собственной жизни указалъ явленія природы возбуждавшія въ немъ впечатлѣнія довольства и радости, какъ элементы, изъ коихъ слагается чувство наслажденія красотой природы, изливающееся въ славословіи Богу.

(**) Распросы и повтореніе.

тетъ свою тонкую паутину и какъ умѣетъ запутать въ ней, точно сѣтями, какуюнибудь мушку! Или вотъ посмотрите еще на пестренькую красивую бабочку, у которой такія разноцвѣтныя крылышки. Она выходитъ сначала изъ яичка, маленькаго и крохотнаго, которое кладетъ мать бабочки гдѣнибудь на листочкѣ; изъ яичка выходитъ сперва червячокъ, потомъ изъ червячка сдѣлается маленькая куколка, а тутъ ужъ изъ куколки-то и вылетаетъ эта пестренькая бабочка.—Всѣ они—и пчелка, и муравей, и паукъ, и бабочка маленькія - такія, а живыя существа, и умненькія. Ихъ сотворилъ Господь Богъ. Какъ же Онъ долженъ быть уменъ! Да, этотъ умъ Его такъ великъ, что мы можемъ только удивляться. Этотъ умъ Его называется *премудростію*. Велика Его премудрость и въ малыхъ вещахъ,—что же сказать про большія? Посмотримъ на свое собственное тѣло—все и въ немъ такъ хорошо, и все на своемъ мѣстѣ. Конечно, вдругъ мнѣ не рассказать вамъ этого, но вотъ подумайте теперь хоть объ одномъ. Глазъ нашъ вѣдь очень не большой кружочекъ? А между тѣмъ сколько онъ видитъ—и высокое небо, и широкую землю, и все, что есть на небѣ и на землѣ. Какъ же все это вмѣщается въ такой маленькой кружокъ?... А сколько еще въ мірѣ другихъ вещей, устроенныхъ тоже премудро! Все это вы узнаете послѣ, если только станете хорошо учиться. Одинъ святой человѣкъ сказалъ, что Господь все сотворилъ *премудро*. И вотъ, когда мы удивляемся этой премудрости и говоримъ „Господи, какъ Ты премудръ!“ мы опять славимъ, хвалимъ Бога,—опять Ему *молимся*.

Поэтому *молиться значитъ еще славить Бога за то, что Онъ премудръ* (*).

(*) Распросы и повтореніе.

Здѣсь я встрѣтился съ весьма важнымъ вопросомъ: при объясненіи того, что такое славословіе въ молитвѣ, а равно и далѣе, при объясненіи сущности молитвеннаго благодаренія и прошенія, слѣдуетъ, или нѣтъ, въ первыхъ бесѣдахъ съ дѣтьми, преподавать имъ собственно-христіанское ученіе объ этомъ предметѣ, т. е. слѣдуетъ или нѣтъ говорить о тѣхъ благахъ, дарованныхъ намъ Искупицею, которыя составляютъ главный предметъ славословій, благодареній и прошеній, развиваемыхъ въ содержаніи всѣхъ церковныхъ молитвъ?—По видимому, отвѣтъ на это простой: я говорю съ дѣтьми—христіанами, слѣдовательно и долженъ говорить съ ними по-христіански. Но этотъ вопросъ, мнѣ кажется, входитъ въ составъ другаго, болѣе общаго вопроса: первоначальное религіозное обученіе должно ли начинаться прямо съ фактовъ сверхъ-естественнаго Откровенія, или оно должно начинаться и ограничиваться, до времени, только данными такъ называемаго естественнаго Богопознанія? Въ практикѣ русской педагогики вопросъ этотъ рѣшается утвердительно въ первомъ смыслѣ. По крайней мѣрѣ мы видимъ, что первыя слова перваго жеурѣка по Зак. Бож. въ „Начаткахъ Христіанскаго Ученія,“ по которымъ уже въ теченіи нѣ-

Но не только славить, а еще и благодарить должны мы Господа Бога. За что? Да прежде всего за то, что Онъ сотворилъ для насъ этотъ прекрасный міръ. Самому Ему не было никакой нужды въ этомъ мірѣ. Ему угодно было сдѣлать добро человѣку. Ему угодно было, чтобы человѣкъ видѣлъ красоту міра, наслаждался ею, и пользовался всѣмъ, что есть въ мірѣ,—и за все это любилъ бы Его. И вотъ Онъ сотворилъ для этого пер-

сколько десятилѣтій учить своихъ дѣтей вся грамотная — православная Россія, начинаютъ такъ: „Единъ Богъ, во Св. Троицѣ покланяемый“ и проч. Такимъ образомъ, учащіяся дѣти, очевидно, съ перваго же урока, вводятся прямо въ область христіанской догматики. Но въ теоріи педагогики (сколько это намъ извѣстно изъ ея исторіи) относительно рѣшенія этого вопроса мы видимъ два противоположныя направленія. Одни изъ педагоговъ говорятъ, что религиозное обученіе, дѣйствительно, нужно начинать прямо съ христіанскихъ откровенныхъ истинъ, и что если иные начинаютъ дѣло религиознаго обученія такъ называемой естественной религіей, то это, по ихъ мнѣнію, значить дѣлать дѣтей язычниками, тогда какъ они уже христіане. Нѣкоторые изъ педагоговъ этого направленія (Денпель, Целлеръ) до того утрируютъ свой взглядъ, что полагаютъ начинать дѣло религиознаго обученія прямо съ Новаго Завѣта, на томъ, между прочимъ, основаніи, что учить дѣтей сначала ветхозавѣтной исторіи значить, будто бы, дѣлать ихъ прежде всего іудеями... Другая, весьма значительная и авторитетнѣйшая часть педагоговъ, держится совершенно иного взгляда. Обобщая, по возможности, планы религиознаго обученія, развиваемые въ ихъ системахъ, мы приходимъ къ слѣдующему общему выводу: а) сначала сообщается дѣтямъ понятіе о Богѣ, на основаніи фактовъ естественнаго Богопознанія, б) далѣе слѣдуетъ св. исторія Ветхаго Завѣта, в) за нею—св. исторія Новаго Завѣта и г) наконецъ собственно ученіе христіанской вѣры и жизни. Независимо отъ психологическихъ основаній, по которымъ они стремятся привязать религиозное обученіе къ тому, что есть въ развитіи дѣтской души, и не навязывать того, къ чему еще нѣтъ въ ней основаній, подобный процессъ обученія, по ихъ мнѣнію, согласенъ съ цѣлымъ историческимъ ходомъ религиознаго воспитанія всего человѣчества. Этимъ путемъ, по замѣчанію Дистервега, дитя знакомится съ религіей въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ она дѣйствительно развивалась въ человѣчествѣ. „За чѣмъ же—спрашиваетъ онъ, оставлять путь столь естественный, или, лучше сказать, указанный Самимъ Богомъ?“—

Предѣлы статьи не дозволяютъ здѣсь вдаваться въ изслѣдованія о достоинствахъ того и другаго направленія, и поэтому я ограничусь однимъ простымъ заявленіемъ, что держался втораго направленія, и постараюсь представить—не строго—ученныя основанія, а только нѣсколько мыслей, которыя привели меня къ выбору этого направленія. Во первыхъ, я произвожу опытъ, а не составляю какой нибудь образецъ. А всякій опытъ дѣлается для испытанія, для пробы, и потому можетъ быть правденъ или ошибоченъ, удаченъ или неудаченъ. Во вторыхъ, все зависитъ отъ начала, которое мы полагаемъ въ основаніе обученія. По указанію педагогики, за такое начало я принялъ пробудившуюся уже въ сознаніи дѣтей идею о Богѣ. Что же я нахожу въ этой идеѣ? Очевидно въ ней лежатъ только элементы чисто-естественнаго Богопознанія, т. е. представленія о существѣ Верховномъ—Всесовершенномъ, именно тѣ представленія, которыя въ метафизикѣ составляютъ такъ называемыя онтологическое, космологическое, телеологическое и нравственное доказательство бытія Божія. Такимъ образомъ я и могу развивать пока только то, что есть въ этой

ваго человѣка, Адама. Представьте же себѣ, что было съ этимъ первымъ человѣкомъ, когда онъ въ первый разъ открылъ глаза и увидѣлъ это прекрасное голубое небо, это свѣтлое солнышко, высокія горы, синія рѣки, тѣнистые лѣса, зеленыя поля, цвѣтистыя луга, разныхъ красивыхъ животныхъ, которыя всѣ толпились около него, какъ около своего господина и весело смотрѣли ему въ глаза! Конечно, онъ былъ вполне счастливъ, сердце его испол-

идеѣ. А данное сверхъ-естественнаго Откровенія, т. е. вѣра въ Бога Тріеднаго, въ содержаніе коей входятъ догматическія созерцанія вѣчныхъ свойствъ Пресв. Троицы—отечества, сыновства, исхожденія, и свойствъ по единству Божества—единости, нераздѣльности, несліянности, и пр.—очевидно, лежитъ внѣ этой идеи. Не оставляя логическаго пути, я пока не могу еще войти въ эту сферу созерцаній. Далѣе, я отыскиваю въ природѣ дѣтской души другой зародышъ, къ которому можно было бы привязать тѣ или другіе пункты религіознаго ученія, и нахожу его въ чувствѣ молитвы. Объясненіе того, что такое молитва, есть только продолженіе анализа уже даннаго понятія о Богѣ. Дѣло идетъ постепенно и послѣдовательно; развитіе мысли совершается генетически. Какимъ же образомъ я могъ-бы вдругъ оставить этотъ путь, и изъ сферы доступныхъ для дѣтей представлений вдругъ перенести ихъ въ сферу если несовсѣмъ чуждыхъ, то очень мало доступныхъ для нихъ, созерцаній? Положимъ, я сталъ-бы говорить дѣтямъ такъ: „дѣти, славить и благодарить Бога мы должны не только за то, что Онъ благъ, всемогущъ, премудръ, и любитъ насъ, но и за то еще [замѣтьте, какъ логично это „еще!“], что Онъ даровалъ намъ, чрезъ Сына Своего Іисуса Христа безчисленныя блага [такія-то и такія-то“]. Такимъ образомъ, я оставляю нить своей бесѣды, перехожу къ совершенно новымъ фактамъ, и долженъ раскрыть предъ слабымъ сознаніемъ дѣтей такую великую область истинъ, въ которой на каждомъ шагу предстантъ вопросы и недоумѣнія... Я положительнo не вижу возможности изъ дитяти, безсознательнаго христіанина, сдѣлать вдругъ сознательнаго богослова. Не думаю, чтобы въ этомъ случаѣ можно было основаться на словахъ Писанія: утаилъ еси сія отъ премудрыхъ и разумныхъ, и открылъ еси та младенцемъ [Мате. 11, 25]; ибо въ Словѣ же Божіемъ нахожу прямое указаніе для порядка въ дѣлѣ религіознаго обученія. Апостолъ Павелъ совѣтуетъ давать молоко, а не твердую пищу даже взрослымъ при первоначальномъ обученіи Слову Божію (Евр. 5, 12); тѣмъ болѣе приложимо это къ дѣтямъ. И если самъ онъ съ іудеями былъ какъ іудей, съ еллинами, какъ еллинъ,—то, по всей вѣроятности, и съ дѣтьми былъ, какъ дитя.—Что же, скажутъ еще, не ужели должно оставлять упоминаніе о Троицѣ и лицѣ Спасителя дотолѣ, пока дѣти не начнутъ учить катихизиса?—Нѣтъ; мы говоримъ только о томъ, какъ легче и удобнѣе притти къ этому, о томъ, чтобы не вставлятъ этихъ объясненій тамъ, гдѣ они представляются неумѣстными. Я не могу оставить упоминаніе о Троицѣ и лицѣ Спасителя на долго, ибо дитя, крестясь, уже произноситъ: „во имя Отца и Сына и Святаго Духа,“ и знаетъ молитву: „Господи Іисусе Христе Сыне Божій помилуй насъ.“ И я дѣйствительно прихожу къ упоминанію объ этихъ догматахъ, но не въ началѣ, а въ концѣ своихъ бесѣдъ (какъ увидятъ читатели).

Впрочемъ, мы не будемъ спорить, если кто либо изъ педагоговъ, лучше насъ понимающій толкъ въ этомъ дѣлѣ, докажетъ и покажетъ, что это направленіе ошибочно, и что логически, и психологически возможно, и педагогически необходимо, въ данномъ случаѣ, религіозное обученіе по первому изъ вышеуказанныхъ направленій.

нилось радостію и любовію къ Богу, и онъ прославилъ и возблагодарилъ Господа, и сказалъ: „Господи, какъ прекрасно все въ Твоемъ мірѣ! И все это для меня! Создатель, какъ же Ты милостивъ ко мнѣ! Какъ я люблю Тебя, какъ благодарю Тебя!“ Это была *молитва*. И мы вотъ также должны славить и благодарить Бога за то, что живемъ, и за все то, чѣмъ пользуемся въ Его прекрасномъ мірѣ: это будетъ тоже *молитва*.

Но этого еще мало: Господь Богъ такъ возлюбилъ человѣка, что сдѣлалъ его лучше всѣхъ животныхъ. Всякому человѣку Господь Богъ далъ душу. Въ душѣ нашей есть *разумъ*: разумомъ человѣкъ понимаетъ все, что слышитъ и видитъ около себя, можетъ узнавать, что и для чего дѣлается все вокругъ него, можетъ учиться и узнавать все больше и больше. Такого разума у животныхъ нѣтъ. Потому въ душѣ нашей есть еще *воля*: мы можемъ волей дѣлать добро и удаляться отъ худаго. Такой воли у животныхъ тоже нѣтъ. Еще у насъ есть *совѣсть*: когда мы сдѣлаемъ что нибудь хорошее, намъ бываетъ пріятно; когда сдѣлаемъ худое, намъ бываетъ непріятно. Такой совѣсти у животныхъ тоже нѣтъ. Еще въ душѣ нашей есть способность понимать *красоту*. Мы любимъ смотрѣть на красивые цвѣточки, любимъ слушать, какъ прекрасно птички поютъ свои пѣсенки. А животныя ничего этого не понимаютъ. Вотъ кошка, на примѣръ, видитъ, что въ клѣткѣ сидитъ соловей: подкрадется къ нему, да только и смотреть, какъ бы его спанать; а того, какъ чудно поетъ соловей, она не понимаетъ. И такъ у насъ есть *душа*, какой нѣтъ у животныхъ. И за это мы должны благодарить Господа Бога.

Еще Господь Богъ былъ столько добръ для человѣка, что далъ ему *понятіе* о Себѣ. Всякій человѣкъ вѣритъ, что есть *Кто-то*, Который сотворилъ міръ и насъ, и всѣмъ міромъ и нами править. И всякій человѣкъ за это любитъ Бога, старается дѣлать то, что угодно Ему, надѣется на Его помощь. Животныя тоже этого не понимаютъ. Они и не думаютъ о томъ, есть ли нѣтъ Богъ. Бываютъ, правда, и люди такіе, которые тоже не понимаютъ, есть ли Богъ; но такіе люди тогда тоже, что животныя. Вотъ опять и за это должны мы благодарить Бога: за то, что далъ намъ способность *знать* и *любить* Его.

Господь Богъ заботится о каждомъ человѣкѣ съ самаго дня рожденія. Каждый человѣкъ рождается самымъ маленькимъ-крохотнымъ малюткой: онъ бываетъ сначала совѣмъ слабъ и безсиленъ, не можетъ ни стоять, ни ходить, ни говорить. Но Господь Богъ даетъ ему родителей, отца и мать: мать нѣжно заботится о малюнкѣ, носитъ его на рукахъ, кормитъ своею грудью,

баюкаетъ его въ постелькѣ, ласкаетъ его, играетъ съ нимъ и помогаетъ ему, когда онъ начнетъ ходить и говорить; отецъ тоже по своему заботится о семъ, что нужно для ребенка. Вотъ опять нужно благодарить Бога за то, что Онъ даетъ намъ добрыхъ и попечительныхъ родителей.

Потомъ, Господь Богъ даетъ всѣмъ людямъ пищу. Безъ него и хлѣба не родилось-бы. Когда хлѣбное зернышко лежитъ въ землѣ, Господь Богъ велитъ своему теплому солнышку согрѣть это зернышко; солнышко пошлетъ свои лучи, и зернышку бываетъ оттого тепло. Потомъ Господь Богъ пошлетъ дождишекъ на поля и велитъ, чтобы изъ зернышка вышелъ ростокъ. Тогда солнышко опять начинаетъ грѣть росточекъ, а дождишекъ опять начинаетъ смачивать вокругъ него землю—и росточекъ быстро поднимается все вверхъ да вверхъ. Потомъ вырѣваются на немъ колосья, а въ колосьяхъ—новыя зерна. Изъ этихъ зеренъ, когда ихъ смелютъ въ муку, и дѣлается хлѣбъ. Все это—даръ Господа Бога. Отъ Него, значить, родится намъ хлѣбъ... Подумайте еще: что было бы на землѣ, какъ бы не было солнышка на небѣ? На землѣ былъ бы тогда страшный холодъ, ничего не стало бы расти, ни травка, ни цвѣточекъ, ни деревцо, ничто не могло бы расти. Что было бы, какъ бы Господь не посылалъ на землю дождишка. Солнце тогда пекло бы землю, и земля вся высохла-бы; опять—таки ничто не могло бы уродиться; нечего было бы людямъ и ѣсть. Какъ же намъ не благодарить Господа Бога за то, что Онъ даетъ намъ хлѣбъ и все, нужное для нищи?

Господь же даетъ людямъ и одежду. Кабы, напримѣръ, не родилось льна, изъ котораго прядутъ нитки, а изъ нитокъ дѣлаютъ холстъ,—не изъ чего было бы и рубашки шить. Кабы не было барашковъ, не было бы и шерсти—значить не изъ чего было бы связать чулковъ и дѣлать разныя шерстяныя платья. Кабы не было разныхъ звѣрей, у которыхъ есть мѣхы: не изъ чего было бы шить шубы, не во что было бы и укрываться зимой отъ морозу. Но вотъ Господь сотворилъ разныхъ звѣрей и животныхъ и всѣхъ отдалъ человѣку: чтобы человѣкъ пользовался ими для своихъ нуждъ. Какъ же не благодарить Господа Бога за то, что Онъ даетъ намъ одежду?

Господь же даетъ человѣку и жилище. Кабы не росло лѣсу, изъ чего люди стали бы строить дома? Положимъ, стали бы они строить дома изъ камней и желѣза: но чѣмъ они стали бы нагрѣвать печки, чтобы согрѣться отъ холода? А что, если бы не было ни желѣза, ни камней, ни всего того, изъ чего строится домъ? Тогда, конечно, человѣкъ сейчасъ же погибъ бы. Какъ же не благодарить Господа Бога за то, что Онъ даетъ намъ жилище?

Нельзя перечислить, дѣти, всѣхъ благодѣяній и милостей, какія даетъ намъ Господь Богъ. Все доброе и хорошее—отъ Него. Посмотрите еще внимательнѣе сами на себя. Вотъ вы теперь начинаете ходить въ школу учиться и понимаете многое, чему васъ учатъ: это оттого, что Господь Богъ вамъ помогаетъ. Потомъ, коли вы будете умны и добры, то найдете себѣ много добрыхъ людей, которые научатъ васъ всему хорошему, и станутъ помогать вамъ во всемъ словомъ и дѣломъ: это тоже Богъ наводитъ человѣка на добрыхъ людей. Выростете вы большими, станете жить своимъ трудомъ, станете наживать деньги, зарабатывать хлѣбъ: всякій разъ, когда въ чемъ вамъ будетъ удача и счастье, помните, что все это отъ Бога. Даже, если бѣда или несчастіе какое вамъ приключится: помните, что кромѣ Бога никто не можетъ избавить насъ отъ бѣды. Напримѣръ: человѣкъ едѣлается вдругъ боленъ. Господь Богъ помогаетъ ему выздоравливать. Значитъ во всѣхъ случаяхъ жизни, всегда и вездѣ должно благодарить Господа Бога.

Но вотъ чтò еще. Господь Богъ такъ любитъ человѣка, что не только на землѣ даетъ ему всѣ блага, но обѣщаетъ ихъ и на небѣ. Коли человѣкъ будетъ хорошо жить здѣсь на землѣ, будетъ угождать Господу Богу добрыми дѣлами: то Господь Богъ такого человѣка и послѣ смерти возьметъ къ Себѣ на небо. А тамъ будутъ такія радости, какихъ мы теперь и представить себѣ не можемъ. И за это особенно надобно благодарить Бога.

Теперь помните же, дѣти: всякій разъ, когда мы благодаримъ Бога за Его милости, то это значитъ—мы Ему молимся. *Поэтому молиться значитъ еще благодарить Бога* (*).

Вы видѣли теперь, дѣти, какъ добръ, какъ *благъ* и милосердъ для насъ Господь Богъ. Все отъ Него,—своего у насъ ничего нѣтъ. Поэтому и все, что намъ нужно, мы должны отъ Него *просить*. О чемъ же, напримѣръ, намъ надо просить Господа Бога? Да о многомъ, и весьма о многомъ. У всякаго человѣка есть *разумъ*... Вотъ прежде всего надо просить Господа Бога, чтобы Онъ помогаль намъ узнавать все хорошее и доброе, чтобы помогаль хорошенько учиться, чтобы въ головѣ нашей всегда были добрыя мысли. Это значитъ—просить Господа Бога о томъ, чтобы Онъ *просвѣтилъ* нашъ разумъ. Вотъ если мы скажемъ: „Господи, просвѣти нашъ разумъ, помогай намъ узнавать все доброе и хорошее, все, что угодно Тебѣ“—это будетъ *молитва*. Поэтому-то вотъ у насъ въ школѣ читають каждый разъ передъ началомъ ученія молитву. Но и не въ школѣ только, а и дома всякій разъ, какъ начинаешъ учиться, надо молиться Господу Богу.

[*] Распросъ и повторенія.

Въ головѣ у всякаго человѣка есть умъ, а въ груди—*сердце*. Сердцемъ человѣкъ любитъ; сердцемъ же и радуется. Когда мы любимъ, и когда радуемся—сердцу тогда бываетъ сладко и приятно. Но сердцемъ же можно гнѣваться, сердиться, ненавидѣть, завидовать, можно ощущать и другія дурныя чувства. И тогда сердцу бываетъ больно, неприятно; оно иногда какъ будто выскочить хочетъ изъ груди. Значить этимъ дурнымъ чувствамъ не слѣдовало-бы и быть. Поэтому надо просить Господа Бога, чтобы Онъ уберегалъ наше сердце отъ дурныхъ чувствъ, чтобы Онъ не попускалъ намъ сердиться, гнѣваться, ненавидѣть когонибудь и пр., а чтобы помогалъ намъ всеѣмъ сердцемъ любить Его, нашего Творца и благодѣтеля, и всеѣхъ добрыхъ людей. Иногда же нападаетъ на человѣка тоска, такъ что не миль ему бываетъ и Божій свѣтъ: опять надо просить Господа Бога, чтобы онъ давалъ нашему сердцу спокойствіе и чистыя радости, а въ тоску и уныніе не попускалъ-бы намъ вдаваться.

У всякаго человѣка есть *воля*. Всякій воленъ дѣлать либо доброе, либо худое. Всякое доброе дѣло угодно, приятно Господу Богу; всякое злое дѣло не угодно, неприятно ему. Поэтому надобно просить Господа Бога, чтобы Онъ помогалъ намъ дѣлать только добрыя дѣла, а отъ злыхъ дѣлъ насъ сохранялъ-бы. Напримѣръ—обидить другаго, отнимать чужую вещь, насмѣхаться надъ другимъ—худое дѣло: вотъ и надобно просить Господа Бога, чтобы не попускалъ намъ дѣлать такія худыя дѣла.

Однако часто бываетъ, что мы все-таки дѣлаемъ худыя дѣла. Мало ли есть худыхъ дѣлъ, какія дѣлаютъ люди! Вотъ, когда вы подростете побольше, то узнаете, что, къ несчастію, есть на землѣ много зла. Между тѣмъ всякое дурное дѣло неприятно Господу Богу; Онъ отвращается отъ человѣка, который дѣлаетъ дурное, и непременно за то накажетъ его... Все худыя дѣла называются *грѣхами*. Вотъ и надо просить Господа Бога, чтобы Онъ прощалъ намъ грѣхи. Коли ты сдѣлалъ какое худое дѣло, то скажи: „Господи, прости меня! Господи, помилуй меня! Господи, помоги мнѣ исправиться, и не дѣлать больше такихъ худыхъ дѣлъ! Это будетъ *молитва*.“

Вотъ вы все, дѣти, теперь еще маленькіе такіе, а послѣ станете взрослыми, вырастете большими. Но это будетъ, если только Господу Богу будетъ угодно. Не все маленькіе дѣлаются взрослыми: иногда, и даже часто, умираютъ и маленькіе. Вотъ недавно, какъ я шелъ сюда въ школу утромъ, несли изъ Богородской церкви гробикъ маленькаго мальчика. Гробикъ несъ отецъ и плакалъ, за гробикомъ шла мать, молодая барыня, вся въ черномъ, и тоже плакала; еще тутъ были родные ихныя, и тоже все плакали. Этотъ маленькій покойникъ былъ знакомый мнѣ маль-

чикъ, Васинька, сынъ одного здѣшняго барина. Славной—такой онъ былъ мальчикъ, хорошенькой, бѣленькой, румяной... глаза голубые, веселые и добрые. Бывало, я хаживалъ въ гости къ его отцу и часто разговаривалъ съ Васинькой: онъ былъ уменькой и бойкій мальчикъ, все понималъ хорошо, и начиналъ уже учиться азбукѣ. Отецъ и мать радовались, глядя на него; и всѣ родные и знакомые очень любили его. Но что дѣлать? Видно, Богу не угодно было, чтобы онъ жилъ: и вотъ онъ простудился какъ-то, играя на дворѣ; открылась у него жестокая болѣзнь, которую называютъ скарлатиной, и ужъ сколько его ни лечили, а не могли вылечить; такъ въ два дня какихъ нибудь, совсѣмъ и не стало бѣднаго Васиньки. Значитъ надо просить Господа Бога о томъ, чтобы Онъ давалъ намъ здоровье, хранилъ отъ болѣзней. А коли не угодно Ему, чтобы мы жили на землѣ, то надо просить Его о томъ, чтобы Онъ даровалъ намъ Свое небесное царство.

Хорошо, дѣти, тѣмъ изъ васъ, у кого есть отцы и матери, которые васъ кормятъ—поятъ, обуваютъ, одѣваютъ, и всячески заботятся о васъ. И жалко тѣхъ дѣтей, у кого нѣтъ ни отца, ни матери! Стало бытъ надо вамъ просить Господа Бога, чтобы Онъ берегъ здоровье вашихъ отцовъ и матерей. И поэтому если вы скажете; „Господи, спаси, сохрани и помилуй дорогихъ моихъ родителей (а также братьевъ и сестеръ и всѣхъ родныхъ)“—это будетъ *молитва*. А тѣмъ бѣдняжкамъ, у кого нѣтъ ни отца, ни матери, надо просить Бога о томъ, чтобы Онъ послалъ имъ добрыхъ, хорошихъ людей, которые позаботились бы объ нихъ. И если они скажутъ: Господи, пошли намъ благодѣтелей, воспитателей, учителей, покровителей... Господи, спаси, сохрани ихъ и помилуй“—это тоже будетъ *молитва*.

Что еще нужно человѣку? Всякому человѣку нужно, чтобы было что ѣсть и пить. Безъ ѣды и питья никто жить не можетъ; но только не у всякаго всегда бываетъ пища. Я думаю, вы не одинъ разъ видали бѣдныхъ нищихъ, у которыхъ часто не бываетъ и куска хлѣба? Есть такіе несчастные бѣдняки, что и хлѣбъ-то ѣдятъ не всегда; а бываютъ иногда и такіе, которые умираютъ съ голода. Просите же Господа, чтобы Онъ давалъ намъ (и всѣмъ людямъ) хлѣбъ насущный.

Каждому человѣку нужно во-что нибудь одѣваться... Безъ одежды жить нельзя, а между тѣмъ посмотрите, какіе бываютъ жалкіе нищіе! Ходятъ они въ изорванныхъ рубищахъ, едва прикрытые, иногда босые, безъ всякой обуви... Зимой они мерзнутъ, бѣдные, отъ холода, а лѣтомъ ихъ печетъ солнышко, мочить дождикъ, продуваетъ вѣтеръ... Отъ нечистой одежды заводятся у нихъ разныя болѣзни... Тяжело быть такимъ нищимъ! Какъ

же не просить Господа Бога о томъ, чтобы Онъ давалъ намъ (и всѣмъ людямъ) одежду?—

Всякому еще нуженъ домъ: нужно гдѣ нибудь жить, чтобы укрыться зимой отъ холода, лѣтомъ отъ жара и отъ разной непогоды. А между тѣмъ, какъ, какіе есть бѣдники непріютные! Послушайте, что сказалъ о всѣхъ этихъ бѣднякахъ одинъ добрый человѣкъ: „тяжела и горька твоя доля, непріютный, оборванный людъ! Не откажутъ тебѣ въ подаяни, не умрешь ты безъ крова зимой,—жалъ разумное Божье созданье—человѣка въ грязи и съ сумой! “Какъ же не просить Господа Бога, чтобы Онъ давалъ намъ (и всѣмъ людямъ) пріютъ, жилище?

Пища, одежда, жилище—все это нужно человѣку. Но всякій наживаетъ это своимъ умомъ и честнымъ трудомъ. Стало быть нужно просить Господа Бога, чтобы Онъ помогаль намъ быть умными, помогаль бы намъ честно трудиться, чтобы давалъ намъ спокойную, безбѣдную жизнь. Вотъ если ты скажешь: о Господи! Наставь меня, какъ надо мнѣ жить, какъ надо мнѣ трудиться! Господи! Помоги мнѣ въ моихъ занятіяхъ, въ моемъ трудѣ!—это будетъ молитва.

Случаются иногда въ жизни разныя несчастія. Ото всего не удержишься, и кабы не Господь Богъ хранилъ человѣка, то всегда могло бы съ нимъ случиться все самое дурное. Случается, напримѣръ, такъ: вотъ ты спишь дома, ночью, на постелѣ, спишь крѣпко и ничего не слышишь. А вдругъ—въ домѣ, или гдѣ нибудь въ сосѣдяхъ—пожаръ! Бывало иногда, что люди такъ и не просыпались, а погибали въ огнѣ сонные. Надо, значитъ, просить Господа Бога, чтобы Онъ сохранялъ насъ отъ разныхъ напастей.

Да вотъ я лучше расскажу вамъ на это примѣръ. Въ прошедшемъ году на Мотовилихѣ—знаете этотъ заводъ, вонъ тамъ недалеко?—былъ страшный пожаръ. Это было въ самый Петровъ день, около обѣда. День былъ ужасно жаркой и душной. Я видѣлъ этотъ пожаръ съ тамошней высокой горы, откуда видѣнь даже весь нашъ городъ. Подъ этой горой стоитъ большая часть села, и вся она горѣла... Это было какъ будто цѣлое огненное море. Страшно было смотрѣть! Горящіе дома такъ и трещали; страшные черные клубы дыма такъ и поднимались къ облакамъ; не успѣвалъ сгорѣть одинъ домъ, загорался другой, третій; вездѣ была суматоха страшная—крики, стоны, бѣгутъ, суетятся, плачутъ, спасаютъ имущество, бабы выносятъ ребятъ... отъ страха не знаютъ куда дѣваться. Всѣ думали тогда, что все село непременно сгоритъ. Страсти! Между тѣмъ, вотъ священники вышли на

пожарище съ св. иконами; народъ палъ на колѣни, всё плакали и молились... И что же? Господь въ самомъ дѣлѣ помогъ несчастнымъ! День былъ, какъ я сказалъ уже, жаркой... и небо было чистое и ясное. Вдругъ откуда ни возмись набѣжали на небо черныя - пречерныя тучи, густыя - такія, и вотъ загремѣлъ громъ, и полился сильный дождь съ градомъ. Градь забилъ та бой сильный и крупный, крупнѣе орѣха. Какъ началъ щелкать этотъ градъ, такъ даже стекла разбивались въ иныхъ домахъ. Этимъ-то дождемъ и градомъ сей-часъ и захлестало всё горѣвшіе дома... Вотъ что значить молитва! Такъ и всегда, во всёхъ несчастныхъ случаяхъ надо просить помощи Божіей, надо *молиться!*

Но не за себя одного надо просить Господа; надо просить и за другихъ. Вѣдь какъ хорошо, когда всё люди живутъ спокойно, въ мирѣ и согласіи другъ съ другомъ, когда помогаютъ другъ другу, любятъ другъ друга! И какъ дурно, когда между людьми бываютъ разныя неприятности, несогласія, ссоры!... Вотъ, если ты скажешь: „Господи! помоги всёмъ намъ жить другъ съ другомъ въ согласіи, помоги намъ любить другъ друга, не допускай насъ до ссоръ и неудовольствій“—это опять будетъ *молитва*.

Итакъ всякій разъ, когда мы просимъ о чемъ нибудь Бога, мы Ему *молимся*. Поэтому—*молиться значитъ просить Бога о своихъ нуждахъ*.

Повторите же теперь все, что я сказалъ!

Я сказалъ: молиться—значить, прежде всего, славить Бога за то, что Онъ благъ, всемогущъ, премудръ; потомъ—благодарить Его за всё Его благодѣянія и милости, и наконецъ—просить Его о всёхъ своихъ нуждахъ.

(Продолженіе будетъ).

П. Кошаровъ.

Отзывъ на газетную статью „Сына Отечества“ относительно записки письменныхъ записокъ, по которымъ нынѣ ведется преподаваніе въ семинаріяхъ, печатными учебниками.

Въ передовой статьѣ № 235-го „Сына Отечества“ за 1867 годъ, обращено вниманіе на такъ-называемыя *записки*, по которымъ нынѣ ведется преподаваніе въ семинаріяхъ, и признано ихъ неудобство. Вдумавшись въ прочитанную статью, и вспомнивъ время, въ которое и сами мы обучались по

подобнымъ же запискамъ, нельзя не признать, вмѣстѣ съ авторомъ цитуемой статьи, справедливымъ, чтобы всѣ эти *записки* въ возможно-скоромъ времени замѣнены были наконецъ печатными учебниками. Авторъ цитуемой нами статьи, выражая надежду, что „навѣрное въ числѣ тѣхъ же наставниковъ семинарій или академій найдутся люди, способные представить и составить такія руководства,“ присовокупляетъ, что „нужно только умѣть вызвать ихъ на этотъ трудъ, и для этого нужно только убѣдить ихъ, что ихъ трудъ не встрѣтитъ непреодолимыхъ препятствій и будетъ достойно вознагражденъ.“ Къ сожалѣнію, авторъ не высказалъ никакой своей мысли—какъ *нужно умѣть* вызвать наставниковъ семинарій на такой трудъ, а только далъ мысль и выразилъ желаніе, чтобы эта мысль осуществилась на практикѣ. Дѣйствительно, эта мысль, хотя она, замѣтимъ кстати, и не новая, но существенно важная и необходимая для блага самихъ же семинарій, должна вызвать на размышленіе всякаго мыслящаго человѣка, который сочувственно относится къ дѣлу семинарскаго образованія (1).

(1) Поэтому, чтобы обратить общее вниманіе на сей предметъ и дать, такъ сказать, готовый матеріалъ для размышленія, мы полагаемъ нужнымъ помѣстить здѣсь, въ подстрочномъ примѣчаніи, цитуемую нами статью „Сина Отечества,“ на что, какъ полагаемъ, и Редакція „Епарх. Вѣдомостей“ изъявить согласіе, тѣмъ болѣе, что газету „Синъ Отечества“ не всякій можетъ имѣть подъ руками, а прочитавши готовую статью, иной, быть можетъ, возбудитъ новые вопросы и заявитъ новыя мысли.—Въ цитованной же нами передовой статьѣ № 233-го „Сина Отечества,“ между прочимъ говорится: „Въ нашихъ духовныхъ семинаріяхъ въ большемъ ходу записки. По рѣдкому предмету есть учебникъ, который принятъ за руководство и по которому учатъ; по большей же части ведутся записки, а это составляетъ большое неудобство и представляетъ много затрудненій, которыя слѣдуетъ отстранить. Возьмемъ во вниманіе одно то обстоятельство, что ученику предстоитъ не только выучить урокъ, но еще и списать его—сколько тутъ бываетъ хлопотъ, бѣготни! Сколько лишней заботы налагаетъ это обстоятельство на ученика! Учениковъ, напр. въ классѣ 70 человѣкъ, а настоящая тетрадка, съ которой слѣдуетъ списать, одна, и вотъ одинъ у другаго хватаетъ ее наперерывъ, иной усердный долженъ просиживать ночь, чтобы только списать заданный урокъ, другой изъ-за того же лишаетъ себя всякой минуты отдыха, третьихъ нужда заставляетъ заниматься дѣломъ списыванія во время классическихъ часовъ и такимъ образомъ ради одного дѣла быть неисправными въ другомъ. Сколько вообще и времени отнимаетъ это списываніе уроковъ! И не безплодно ли теряется это время? Мало того, намъ кажется, что это время теряется даже съ вредомъ для учащихся.—Мы никакъ не можемъ не думать, чтобы это сидѣнье сторбившихся надъ списываньемъ уроковъ, по большей части съ дурныхъ рукописей, вечерами, при плохомъ освѣщеніи, могло быть не вредно и для глазъ и для молодой груди ученика. Съ другой стороны, это списыванье необходимо сопровождается перекириваньемъ, и зачастую такимъ, что заглянувъ въ тетрадь иного ученика нельзя добраться и до смысла, а между тѣмъ этотъ ученикъ, не подозревая безграмотности, долбитъ урокъ наизусть. Да самыя записки часто составляютъ наслѣдство отъ давнихъ временъ, переходящее отъ одного наставника къ другому, держащееся въ семинаріяхъ по де-

Не въ видахъ учить кого-либо (къ чему мы не призваны), но по чувству къ дѣлу семинарскаго образованія, которое мы сами получили и, въ свое время, на практикѣ видѣли все затрудненія и неудобства, какія можно дѣйствительно встрѣчать при списываніи и заучиваніи уроковъ по запискамъ, мы намѣрены сказать нѣсколько словъ по поводу процитованной нами статьи.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ же можно вызвать наставниковъ семинарій и академій на трудъ по составленію учебниковъ, такъ чтобы и трудъ ихъ не оставался безъ вознагражденія?

Въ настоящее время, при преобразованіи семинарій по новымъ штатамъ, преподаватели, съ одной стороны—вполнѣ обезпечиваемые въ содержаніи достаточнымъ жалованьемъ и не отвлекаемые постороннею службою, конечно, службу семинарскую уже не будутъ считать переходною, временною, а слѣдовательно иначе должны будутъ и смотрѣть на оную, т. е. какъ на поприще ученой и самостоятельной дѣятельности, а съ другой—поступая на должность наставника по собственному желанію и при томъ на такой предметъ, который сами желаютъ преподавать, и сверхъ того, испытанные посредствомъ трехъ пробныхъ лекцій изъ подлежащихъ предметовъ, будутъ, конечно, на столько развиты и учены, что многіе изъ нихъ, съ любовью и энергіею преданные своему дѣлу, въ состояніи будутъ и составлять удовлетворительные учебники по преподаваемымъ ими предметамъ. Вотъ этихъ - то дѣятельныхъ и умныхъ наставниковъ и *нужно умѣть* вызвать на трудъ!—Лучшимъ средствомъ для этого обыкновенно признается *конкурсъ*. Это же средство имѣть въ виду и Духовно - Учебный Комитетъ (1). Только, пока еще не опубликовано: по

святкамъ лѣтъ, и представляютъ собой лишь примѣръ стародавности. И рождается тутъ вопросъ: Зачѣмъ же и почему же держится обычай записокъ въ семинаріяхъ и нельзя ли обойтись безъ нихъ, замѣняя ихъ печатными учебниками? По некоторымъ предметамъ это можно сдѣлать было бы давно (*), такъ какъ руководства печатныя давно уже существуютъ, но намъ неизвѣстно только почему были опровергаемы (??) духовно-учебными заведеніями, по другимъ же такія руководства могутъ быть легко составлены. Навѣрное въ числѣ тѣхъ же наставниковъ семинарій или академій найдутся люди, способные представить (?) и составить такія руководства. Нужно только умѣть вызвать ихъ на этотъ трудъ, и для этого нужно только убѣдить ихъ, что ихъ трудъ не встрѣтитъ непреодолимыхъ препятствій и будетъ достойно вознагражденъ. Да, наконецъ если бы и не нашлось охотниковъ на такой трудъ, то ужъ лучше пересмотрѣть и напечатать тѣже ходящія по семинаріямъ записки, чѣмъ заставлять учениковъ ихъ списывать и переписывать.—Скажите—не заслуживаетъ ли эта статья серьезнаго вниманія и обсуждения?

(*) И сдѣлано Ред. П. Е. В.

(1) См. „Положеніе объ Учебномъ Комитетѣ при Св. Синодѣ.“ § 11.

каждому ли предмету семинарскаго образованія будутъ объявляемы конкурсы на составленіе лучшаго учебника. Какъ часто, т. е. чрезъ сколько времени, будетъ объявляемъ новый конкурсъ на составленіе новаго учебника по тому же предмету? За тѣмъ—признанный по конкурсу лучшимъ учебникъ по извѣстному предмету, на чей счетъ будетъ печататься—автора или казны....? Намъ извѣстно пока только то, что конференція Казанской Академіи, въ мнѣніи своемъ, относительно преобразованія академіи предположила издавать ученныя сочиненія и періодическія изданія отъ имени академіи и слѣдала намекъ на изданіе при ней учебниковъ, если, разумѣется, будутъ на то средства у нея (1). Но это, кажется, говорится только объ учебникахъ академическихъ, а не семинарскихъ.

Признавши конкурсъ самымъ лучшимъ средствомъ для пріобрѣтенія лучшихъ учебниковъ по предметамъ семинарскаго образованія, мы, съ тѣмъ вмѣстѣ, осмѣливаемся высказаться и относительно объявленія конкурсовъ.

Порядокъ объявленія конкурсовъ, по нашему мнѣнію, долженъ быть такой. По каждому предмету, который преподается въ семинаріи (2), долженъ быть объявляемъ конкурсъ. Первоначальный же срокъ для этого конкурса можетъ быть полуторагодовой или даже двухъ-годовой. Достаточная конкурсная награда, безъ всякаго сомнѣнія, поощритъ и непременно вызоветъ на трудъ извѣстныхъ дѣятелей.—За тѣмъ, представленный на конкурсъ и признанный лучшимъ учебникъ по извѣстному предмету, по правиламъ конкурса, долженъ уже составлять собственность Духовно-Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ, который, отпечатавъ потребное количество экземпляровъ для всѣхъ семинарій, дѣлаетъ обязательнымъ употребленіе сего учебника въ продолженіи 5 или 6 лѣтъ со дня изданія книги или признанія оной по конкурсу лучшимъ учебникомъ. Вырученная плата за изданіе можетъ составить капиталъ на конкурсныя награды и преміи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по окончаніи перваго конкурса Духовно-Учебный Комитетъ тотъ-часъ же объявляетъ на другія 5 или 6 лѣтъ (т. е. на то время, въ которое введено обязательное преподаваніе учебника въ семинаріяхъ) второй конкурсъ на составленіе новаго учебника по тому же предмету. Это для того, чтобы съ одной стороны—опять дать случай и поощреніе наставникамъ семинарій къ трудамъ и самостоятельной работѣ, а съ другой—не останавливать науку на долгое время въ

(1) См. Христ. Чтен. 1867. ч. 2, стр. 840.

(2) Предметы, которые предположено, по новому уставу, преподавать въ семинаріяхъ, поименованы въ § 127-мъ „Устава православныхъ духовныхъ семинарій.“

одномъ положеніи, въ statu quo. Срокъ же пяти—шести—лѣтній мы полагаемъ и потому еще, чтобы и наставникъ семинаріи или академіи въполнѣ могъ воспользоваться всеми вновь приобретенными наукою матеріалами и научными выводами, и духовно-учебный Комитетъ могъ имѣть достаточное время возвратить затраченный капиталъ на изданіе такого учебника. — Таковымъ образомъ, когда одинъ учебникъ, признанный по конкурсу лучшимъ, введенъ въ употребленіе при преподаваніи во всехъ семинаріяхъ, въ то же время готовится уже новый, можетъ быть еще лучший, сообразно съ новыми—лучшими—взглядами на предметъ, человѣкомъ съ отличными дарованіями.... Такой порядокъ долженъ соблюдаться и на послѣдующее время, такъ чтобы конкурсы шли преемственно по каждому предмету отдѣльно и каждый годъ объявлялись одинъ или два конкурса на составленіе учебниковъ по предметамъ семинарскаго обученія. При такомъ порядкѣ конкурсовъ, кажется, и самая наука не мало приобрететъ авторитета и солидности, и наставники такимъ образомъ будутъ поощряемы къ дѣятельности и будутъ съ энергіею трудиться на общую пользу, конечно, не безъ пользы и для себя.....

Это все сказано нами, впрочемъ, о такихъ учебникахъ, которые по конкурсу признаны самыми лучшими и издаются уже на казенный счетъ. Но на конкурсѣ состязателями явятся, конечно, не одинъ и не два, а нѣсколько, быть можетъ, десятковъ ученыхъ лицъ. Признавъ за лучшее сочиненіе одно изъ представленныхъ на конкурсѣ и наградивъ автора за это сочиненіе достойною по трудамъ наградою, духовно-учебный Комитетъ, конечно, не забудетъ и другихъ авторовъ, которыхъ сочиненія будутъ найдены, послѣ главнаго или самаго лучшаго, очень хорошими; такихъ авторовъ нужно поощрять дополнительными преміями, съ правомъ, если пожелаетъ авторъ, издавать свое сочиненіе на свой счетъ, только, конечно, не какъ учебникъ, а какъ частное руководство или пособіе при преподаваніи извѣстнаго предмета.

Вотъ тѣ мѣры, которыя мы считаемъ самыми лучшими и болѣе надежными къ привлеченію лучшихъ и умныхъ наставниковъ для составленія учебниковъ по всемъ предметамъ семинарскаго обученія!

Теперь, коснемся и самыхъ условій, которыя должны служить основаніемъ при объявленіи конкурса, именно, сдѣлаемъ краткое замѣчаніе о содержаніи самыхъ учебниковъ. У насъ, какъ извѣстно, учебники, большею частію, составляются довольно сухо, кратко, сжато, съ цѣлю, чтобы легче было заучивать на память преподаваемый предметъ. Отъ этого въ нашихъ учебникахъ недостаетъ нужной полноты, и, если наставникъ не имѣетъ природной способности и дара слова объяснять легко и свободно преподаваемый имъ пред-

жеть, или почему либо пренебрегаетъ этимъ, что также случается; то воспитанники, не имѣя ничего подъ руками, кромѣ краткаго учебника или такихъ же записокъ своего наставника, по необходимости остаются съ самыми скудными и поверхностными познаніями о преподаваемомъ имъ предметѣ, которыя, притомъ, очень легко и скоро испаряются и изъ головы ихъ; отъ этого-то, они, конечно уже не по своей винѣ, на испытаніяхъ ревизирующему начальству представляются и малоразвитыми и малосвѣдущими.

Чтобы избѣжать подобныхъ недостатковъ, нужно бы, кажется, перемѣнить и самую систему составленія учебниковъ. Учебникъ, предлагая полную систему извѣстнаго предмета, долженъ дать воспитаннику ясное и опредѣленное понятіе о преподаваемомъ предметѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, предлагать ему вопросы и доставлять матеріалы для самостоятельнаго труда и размышленія, т. е. для такъ называемыхъ *задачекъ*. Поэтому, въ учебникѣ, кромѣ общихъ опредѣленій, которыми нынѣ, большею частію, ограничиваются наши учебники, въ особыхъ примѣчаніяхъ (которыя можно печатать въ томъ же текстѣ, только мелкимъ шрифтомъ) излагать всѣ *частныя* или дополнительные свѣдѣнія, т. е. все то, что наставникъ могъ бы, въ объясненіе общихъ положеній и опредѣленій, высказать ученикамъ въ классѣ (*); при этомъ всегда нужно указывать на самые источники, которыми руководился самъ наставникъ и которыми совѣтуетъ воспользоваться и воспитанникамъ. Въ заключеніе всего, необходимо излагать и самую литературу того предмета, съ краткимъ содержаніемъ и нужными замѣтками о достоинствѣ или недостаткахъ того или другаго сочиненія. Такимъ образомъ, учебникъ будетъ не только учебникомъ, но и практическимъ руководствомъ для каждаго воспитанника къ самостоятельному труду, — къ чему, какъ извѣстно, и направлено все семинарское обученіе.

Но однимъ учебникомъ, какъ бы онъ ни хорошъ ни былъ, не должно ограничиваться. Изучая учебникъ, воспитанники въ тоже время непременно должны быть занимаемы и чтеніемъ литературы, по преподаваемому предмету. Новый уставъ семинарій рационально узаконяетъ (см. § 135), чтобы поощряемо было чтеніе учениками полезныхъ книгъ подъ руководствомъ учителей — каждаго по преподаваемому имъ предмету. Поэтому, кажется, самымъ законнымъ будетъ требованіе, чтобы каждый наставникъ всегда имѣлъ подъ

[*] Что же наставникъ-то будетъ дѣлать въ классѣ, если все, что онъ могъ бы высказать ученикамъ своимъ, объяснено уже въ учебникѣ?! Да и удобоостижимо ли такое требованіе почтеннаго автора? — Ред.

руками отдѣльный каталогъ или списокъ всѣхъ книгъ, какія относятся до преподаваемаго имъ предмета и какія имѣются въ семинарской библіотекѣ. Соображаясь съ ходомъ преподаванія своего предмета каждый наставникъ обязанъ всѣ нужныя сочиненія по его предмету указывать и рекомендовать ученикамъ своимъ для прочтенія, съ тѣмъ, конечно, чтобы они всегда давали ему отчетъ въ прочитанномъ на бумагѣ, или на словахъ, и отчеты эти должны быть разобраны наставникомъ критически и непременно въ классѣ. А такъ какъ, кромѣ тѣхъ книгъ, которыя находятся въ семинарской библіотекѣ, ежегодно выходятъ въ свѣтъ новыя книги, иногда очень полезныя и дѣльныя, то хорошо бы постановить также правиломъ, чтобы каждый наставникъ, обязанный слѣдить за текущею литературою, по преподаваемому имъ предмету, по истеченіи каждаго года представлялъ въ правленіе семинаріи списокъ или реестръ всѣхъ вышедшихъ въ теченіи года сочиненій по предмету, имъ преподаваемому, съ означеніемъ, какія сочиненія преимущественно необходимы для его класса. Семинарское же правленіе, получивъ таковыя списки отъ всѣхъ наставниковъ, разсматриваетъ оныя въ педагогическомъ собраніи (*), и по разсмотрѣніи и составленіи общаго списка книгъ, признанныхъ полезными пособіями и руководствами при преподаваніи, выписываетъ лучшія сочиненія на казенный счетъ, а прочія, по недостатку казенной суммы, рекомендуетъ выписывать самимъ воспитанникамъ для своихъ ученическихъ библіотекъ. Всѣ эти списки книгъ должны быть печатаемы въ „Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ съ тою, по моему мнѣнію, цѣлю, что многіе и изъ родителей, которыхъ дѣти обучаются въ семинаріи, быть можетъ, пожелаютъ нѣкоторыя книги, по рекомендаціи начальства, выписывать и для своихъ дѣтей....

Давъ нужныя научныя пособія и руководства воспитанникамъ, не мѣнѣе того нужно позаботиться дать научныя пособія и руководства и самимъ наставникамъ семинаріи. Въ настоящее время научная обстановка ихъ не слишкомъ-то хороша. Вѣдь не рѣдкость встрѣтить, что молодой и способный челоувѣкъ, съ свѣжею энергіею, поступивши въ семинарію наставникомъ на тотъ или другой предметъ, часто видитъ себя, какъ ракъ на мели; у него нѣтъ подъ руками средствъ для того, чтобы самостоятельнымъ образомъ развивать себя и идти въ уровень съ современнымъ состояніемъ науки. Онъ не имѣетъ возможности, поступивши на должность, систематически читать въ свое время все, что выходитъ въ свѣтъ по его предмету, и видитъ себя въ необходимости слѣдить за своею наукою, только урывками, да открыв-

(*). См. Уст. Дух. Семинар. § 106 п. 16.

ками, или случайными приобретениями. Если таково положеніе ученаго было при прежней системѣ семинарскаго преподаванія, когда семинарская служба, большею частію, была службою переходною, занятіемъ временнымъ, когда не слишкомъ-то строго слѣдили за преподаваніемъ, которое и шло изъ года въ годъ *по старинѣ*, а наставники, сверхъ семинарской службы, заняты еще приходскою, или административною, напр., въ должности члена консисторіи и т. п., пользовались обыкновенно привилегіею преподавать свой предметъ, говоря старымъ официальнымъ языкомъ, *елика ихъ сила*; — то нынѣ, съ переменною системою преподаванія, когда лучшіе наставники призываются къ преподаванію не на краткое, срочное время, какъ было прежде, а на болѣе продолжительное, безъ ограниченія даже срочною службою, положеніе ученаго и способнаго наставника, при недостаткѣ научныхъ пособій и руководствъ, можетъ быть еще болѣе затруднительное.

Чтобы облегчить, въ такомъ случаѣ, положеніе ученаго наставника и дать вообще однообразный ходъ и направленіе образованію и преподаванію во всѣхъ семинаріяхъ, мы считаемъ необходимымъ и полезнымъ изданіе *спеціального* повременнаго или періодическаго журнала, подъ такимъ, наприм., заглавіемъ: „*Духовный педагогическій вѣстникъ* или *журналъ*“, или просто — „*Духовно-Учебный Вѣстникъ*.“

Центръ или средоточіе духовно-учебнаго управленія находится нынѣ въ Духовно-Учебномъ Комитетѣ при святѣйшемъ Синодѣ, органомъ котораго и долженъ служить предполагаемый нами журналъ. Органъ этотъ необходимъ и для самаго Учебнаго Комитета, который, конечно, лучше поведетъ свое дѣло, если будетъ имѣть свой печатный органъ, въ которомъ вполне можетъ показать и развить свою дѣятельность и дать направленіе всему ходу преподаванія въ семинаріяхъ, чѣмъ чрезъ посторонній органъ, хотя и официальный въ другомъ отношеніи, и слѣдов. имѣющій свою программу и совершенно другое назначеніе и направленіе литературное.

Программа журнала должна обнимать всѣ предметы, или науки, преподаваемые въ семинаріи и — еще лучше — академіи, съ присовокупленіемъ административныхъ и другихъ свѣдѣній, относящихся до духовно-учебнаго вѣдомства. Такимъ образомъ въ программу должны войти слѣдующія отдѣленія.

I. Законодательныя и административныя распоряженія правительства: Высочайшія повелѣнія и указы св. Синода, а также и распоряженія Духовно-Учебнаго Комитета, относящіеся до мѣстъ и лицъ духовно-учебнаго вѣдомства; движеніе по службѣ по сему вѣдомству, какъ-то: опредѣленіе на службу

и увольненіе отъ оной наставниковъ семинарій и академій; награды имъ, пенсіи; разные отчеты по духовно-учебному вѣдомству; объявленіе конкурсовъ на составленіе учебниковъ; празднаыя наставническія мѣста и списки кандидатовъ на таковыя мѣста, и проч.

II. Науки. Здѣсь можно и должно помѣщать прежде всего программы предметовъ, преподаваемыхъ въ семинаріяхъ и академіяхъ; затѣмъ — ученныя изслѣдованія и разсужденія по всемъ предметамъ преподаванія, какъ оригинальныя, такъ и переводныя — съ иностранныхъ языковъ, и наконецъ — пробныя лекціи, читаемыя лицами, готовящимися на наставническія должности. — Этотъ отдѣлъ долженъ быть, по своей важности, самый обширный; въ немъ должна быть сосредоточена вся современная наука въ возможной полнотѣ; только здѣсь каждый предметъ преподаванія, по возможности, долженъ быть разсматриваемъ болѣе въ систематическомъ порядкѣ, а не отрывками, какъ это ведется въ прочихъ духовныхъ журналахъ, которые не имѣютъ спеціальнаго педагогическаго назначенія.

III. Критика и библіографія. Въ этомъ отдѣлѣ должны быть помѣщаемы критическіе разборы (подробные) и библіографическія извѣстія (краткія) съ изложеніемъ содержанія и разборомъ лучшихъ, вновь выходящихъ отечественныхъ и иностранныхъ духовныхъ сочиненій, а также и свѣтскихъ, которыя, въ научномъ отношеніи, соприкасаются съ предметами семинарскаго преподаванія. Желательно, чтобы на этотъ отдѣлъ у насъ было обращено особенное вниманіе, такъ какъ у насъ духовная критика почти совсѣмъ не существуетъ...

IV. Современное обозрѣніе литературы, какъ отечественной, такъ и иностранной. У насъ духовная журналистика на этотъ предметъ тоже мало обращаетъ вниманія. Только въ послѣднее время обращено вниманіе на иностранную духовную литературу и то въ видѣ летучихъ дорожныхъ писемъ, какъ-бы мимоходомъ, съ налету; а подробнаго обозрѣнія, сгруппировки отечественной литературы и совсѣмъ не видно. Этотъ недостатокъ, простибельный въ обще-литературномъ журналѣ, не долженъ быть опускаемъ въ журналѣ спеціальному, гдѣ за извѣстный періодъ времени должна быть сгруппирована вся современная литература, представлена какъ бы на лицо, такъ чтобы каждый наставникъ видѣлъ, что существуетъ въ литературѣ по его предмету, чѣмъ бы онъ могъ воспользоваться для своихъ ученыхъ занятій. Образцы такихъ обозрѣній можно видѣть въ журналѣ министерства народнаго просвѣщенія.

V. Педагогическая хроника. Здѣсь могутъ имѣть мѣсто всевозможныя свѣ-

дѣнія, относящіяся до семинарій и академій: ихъ устройство по новымъ штатамъ и дѣятельность въ педагогическомъ отношеніи; извѣстія о публичныхъ актахъ, объ открытіи воскресныхъ школъ; о пожертвованіяхъ съ педагогическою цѣлію; некрологи и разныя другія, касающіяся до духовно-учебныхъ заведеній, извѣстія и объявленія.

Вотъ краткая программа предполагаемаго нами журнала! Читая подобный журналъ, посвященный духовной наукѣ и духовному образованію, съ современнымъ взглядомъ на науку, само собою понятно, что наставники могутъ и своевременно слѣдить за наукою и, въ случаѣ нужды, имѣть всегда подъ руками нужныя справки относительно того или другаго предмета...

Не будетъ, конечно, и затрудненія въ устройствѣ редакціи для изданія проектированнаго нами журнала. Для этого слѣдуетъ основать въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ и Казани общества изъ ученыхъ лицъ духовнаго званія, а центръ сихъ обществъ, или главное правленіе, должно быть въ Духовно-Учебномъ Комитетѣ, гдѣ нынѣ сосредоточено все управленіе по духовно-учебному вѣдомству, и куда назначены въ члены лучшіе представители духовнаго образованія.

Дай Богъ, чтобы наши мысли и желанія осуществились на практикѣ. Мы высказываемъ ихъ гласно потому, что нынѣ, благодаря благой волѣ Государя Императора, каждое управленіе стремится къ улучшеніямъ по своей части и сочувственно принимаетъ всѣ мысли и заявленія, искренно и благодарно выражаемыя печатно. Мы чаемъ и надѣемся, что рано ли, поздно ли, научное развитіе нашихъ духовныхъ заведеній приведетъ наконецъ къ необходимости осуществить на практикѣ наши мысли и желанія. Дай Богъ! Во всякомъ случаѣ, мы не сочли долгомъ молчать объ этомъ, и высказались откровенно обо всемъ, что также давно лежало на нашемъ сердцѣ, и что, такъ кстати, возобновила въ памяти процитованная нами выше статья „Сына Отечества.“ — Желаемъ, чтобы объ этомъ высказались и другіе. Возбужденные нами вопросы, кажется, требуютъ всесторонняго и серьезнаго обсуждения.

Священникъ. Михаилъ Задоринъ.

Визарскій заводъ

31 января 1868 г.

О пребываніи въ городѣ Екатеринбургѣ Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Московскаго Иннокентія, во время проѣзда его изъ Благовѣщенска на Амуръ въ Москву.

Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ стало официально извѣстно назначеніе Митрополитомъ Московскимъ, вмѣсто въ Бозѣ почившаго—славнаго и знаменитаго Московскаго Митрополита Филарета, давно также извѣстнаго и славнаго по своимъ дѣяніямъ Высокопреосвященнѣйшаго Архіепископа Камчатскаго Иннокентія, желаніе видѣть сего природнаго сына восточной Сибирской страны, просвѣтившаго свѣтомъ православной христіанской вѣры многія языческія племена отдаленнаго края восточной Сибири, сѣверныхъ острововъ Тихаго океана и бывшихъ сѣверо-американскихъ Русскихъ владѣній,—видѣть въ новомъ высокомъ церковномъ санѣ Митрополита и Архипастыря Первопрестольнаго Россійскаго града Москвы, сдѣлалось всеобщимъ—наипаче въ тѣхъ, кто ранѣе никогда не видалъ его. По мѣрѣ приближенія его отъ восточной границы Азіи къ западной—Уральской ея границѣ, это желаніе все болѣе и болѣе усиливалось. Вѣсти о послѣдовательномъ вѣздѣ его изъ Благовѣщенска, Нерчинска, Иркутска, Красноярска, Томска, Омска, Тюмени и наконецъ Камышлова, какъ предварительные лучи, исходящіе отъ текущаго съ востока солнца, предвѣщали свѣтлый и радостный день пришествія въ нашъ градъ, стоящій на границѣ Азіи и Европы, современнаго церковнаго Русскаго свѣтила, и сообщали все болѣе и болѣе возрастающую силу самому ожиданію видѣть его въ чертѣ нашего горизонта, или, что то же, посреди нашего града. Послѣднія извѣстія объ отбытіи высокаго путешественника изъ Тюмени въ семь часовъ утра 11-го мая и изъ Камышлова въ девять часовъ утра 12-го мая побуждали уже готовиться къ самой встрѣчѣ вождѣльнаго гостя. Екатеринбургскій градскій благочинный, протоіерей Матей Поповъ выѣхалъ для встрѣчи его на первую отъ города станцію по сибирскому тракту въ Косулинское селеніе. Приказано было готовиться къ звону на всѣхъ градскихъ церквахъ ко времени вѣзда въ городъ Московскаго іерарха. Нетерпѣливое ожиданіе заставляло высчитывать и опредѣлять, хотя и не совсемъ точно, самый часъ прибытія его въ городъ. Онъ прибылъ изъ Камышлова въ Екатеринбургъ часами двумя ранѣе предполагаемаго времени, именно въ семь часовъ двадцать минутъ по полудни, мая 12 дня. Благочинный успѣлъ предупредить его въ городѣ на самое короткое время. Скоро послѣ его пріѣзда уже начался торжественный церковный звонъ на всѣхъ цер-

квахъ, въ ознаменованіе приближенія ко граду высокаго посѣтителя и для возвѣщенія о семъ всѣмъ жителямъ града....

Произошло необычайное движеніе на всѣхъ градскихъ улицахъ. Со всѣхъ концовъ города толпы людей устремились къ дому нашего Владыки, дабы узрѣть, если можно, высокаго Русскаго іерарха и принять отъ него благословеніе. Путь, по которому вѣзжалъ въ городъ Высокопреосвященнѣйшій Митрополитъ, уставленъ также былъ толпами сбѣжавшагося народа, — и каждая толпа получала отдѣльное благословеніе отъ сидѣвшаго въ экипажѣ іерарха, и потомъ бѣжала въ слѣдъ его. Неумѣстно здѣсь примѣнить къ нашему граду выраженіе слова Божія, отнесенное къ Іерусалиму — при царственномъ вступленіи въ него Господа, *яко потрясется весь градъ*. Сіе *потрясеніе* въ нѣкоторой мѣрѣ и степени испыталъ и нашъ градъ Екатеринбургъ — при вступленіи въ него высокаго представителя на землѣ небеснаго Царя и Пастыреначальника душъ человѣческихъ. Наконецъ тысячестная молва разнесла по всему городу вѣсть, что новый Московскій митрополитъ уже прибылъ въ нашъ городъ, и остановился въ домѣ нашего Владыки. Во весь вечеръ стояла прекрасная погода. Нѣсколько ранѣ педшій дождь только освѣжилъ воздухъ, и прибиль къ землѣ пыль на улицахъ. Нашъ Владыка, пресвященнѣйшій Вассіанъ встрѣтилъ своего гостя тотчасъ по выходѣ его изъ экипажа на площадкѣ крыльца своего дома, и привѣтствовалъ его съ благополучнымъ прибытіемъ. Никогда не видавшіе другъ друга — оба архипастыря впервые обнялись и братски поцѣловались. Нашъ Владыка потомъ провелъ своего дорогаго гостя на верхъ въ свои покои. За симъ представляемо было къ Высокопреосвященнѣйшему митрополиту нашимъ архипастыремъ все градское старшее духовенство, собравшееся по звону въ архіерейскій домъ, и принимало отъ него благословеніе. Между тѣмъ и стекшіяся къ дому Владыки толпы народа, горѣвшія нетерпѣливымъ желаніемъ видѣть новаго архипастыря первопрестольной столицы Русской, неудержимо устремились также въ обширную приѣмную архіерейскую залу и наполнили ее всю, въ чаяніи принять отъ него благословеніе, — и высокій іерархъ съ отеческою любовью, съ кроткимъ и привѣтливымъ словомъ, вышелъ скоро изъ гостиной къ собравшейся толпѣ и благословилъ всѣхъ и каждого порознь. Но едва одна толпа успѣвала выходить изъ залы, на мѣсто ея вступала новая толпа, которая въ свою очередь принимала также благословеніе, — и сіе повторялось нѣсколько разъ въ то время, когда Высокопреосвященный былъ угощаемъ въ гостиной чаемъ. Тутъ смѣшались все званія, чины, возрасты и полы, какъ составляющіе единое стадо одного Верховнаго Пастыря словесныхъ овецъ. Го-

ворить ли о томъ, что посѣтившій нашъ градъ, новый Московскій митрополитъ Иннокентій произвелъ во всѣхъ насъ самое пріятное и неизгладимое впечатлѣніе—величественнымъ своимъ тѣлеснымъ ростомъ, свидѣтельствующимъ о мощной силѣ, крѣпости и величіи его духа, крѣпкимъ еще на старости лѣтъ сложеніемъ его тѣла—при неутомимыхъ и обширныхъ его занятіяхъ и трудахъ, весьма благообразнымъ и выразительнымъ лицомъ, отпечатлѣвающимъ на себѣ черты глубокой пастырской мудрости, пронизательности и опытности и украшеннымъ старческою окладистою сѣдою бородою, весьма свободными, живыми и самыми благоприличными и естественными тѣлодвиженіями—при всѣхъ переходахъ и оборотахъ съ мѣста на мѣсто, при обращеніяхъ къ разнымъ лицамъ и при всѣхъ изустныхъ выраженіяхъ своихъ мыслей и чувствованій, истинно духовно-пастырскимъ и священноначальственнымъ отеческимъ обращеніемъ съ людьми всѣхъ званій, внушающимъ къ нему искреннее довѣріе и дѣтское расположеніе—при полномъ уваженіи къ высокому и досточтимому духовному сану его? Изъ самыхъ первыхъ разговоровъ его съ нашимъ архипастыремъ и съ другими представлявшимися къ нему посѣтителеми узнали мы, что онъ въ началѣ весны, во время таянія снѣга, когда невозможно было ѣхать въ одномъ зимнемъ, или лѣтнемъ экипажѣ, до времени вскрытія сибирскихъ рѣкъ, принужденъ былъ сдѣлать продолжительную остановку въ пути въ городѣ Иркутскѣ, гдѣ и пробылъ цѣлый мѣсяцъ до 20 апрѣля, но что въ дальнѣйшемъ пути слѣдовалъ довольно скоро, останавливаясь только въ главныхъ сибирскихъ городахъ—для отдохновенія и подкрѣпленія старческихъ своихъ силъ, что, если онъ до семидесяти лѣтъ сохранилъ еще свое здоровье, то обязанъ этимъ, по всей вѣроятности, весьма многимъ и продолжительнымъ путешествіямъ въ своей жизни, и что у него становится уже слабо одно зрѣніе, для сохраненія котораго онъ вѣрно и носитъ на глазахъ голубые очки—консервы. Въ Екатеринбургѣ онъ имѣлъ ночлегъ въ ночь съ 12 на 13 мая, раздѣливъ предъ симъ вечернюю келейную трапезу нашего Владыки. Сопровождаютъ Митрополита въ пути—сынъ его—протоіерей Гавріиль Іоанновъ Веніаминовъ, осьмилѣтній митрополичій внукъ—очень живой и красивый мальчикъ, одинъ уподіаконъ, одинъ послушникъ и данный ему, для сопровожденія отъ Иркутска до Москвы, одинъ военный капитанъ.

Въ утро 13 мая съ семи часовъ Высокопреосвященнѣйшій Митрополитъ въ крестовой архіерейской церкви вмѣстѣ съ нашимъ Владыкою слушалъ Литургію, и послѣ оной благословилъ въ церкви весь собравшійся народъ. Послѣ Литургіи, когда кушалъ чай, объявилъ, что этотъ день для него особен-

но знаменателенъ тѣмъ, что въ оный исполнился уже пятьдесятъ одинъ годъ, какъ онъ былъ посвященъ въ Иркутскѣ во діакона и началъ носить священную рясу. Къ сему послѣ еще присовокуплялъ, что—въ продолженіе пятидесяти одного года—онъ доселѣ служилъ въ двухъ частяхъ свѣта—въ Америкѣ и Азіи, и что съ этого дня онъ ѣдетъ изъ Екатеринбурга служить въ третью часть свѣта—въ Европу. Въ 10-ть часовъ утра представлялись къ высокому іерарху главные и старшіе члены Екатеринбургскаго градскаго общества—вмѣстѣ съ своимъ градскимъ главою Иваномъ Анникіевичемъ Рязановымъ, отъ лица которыхъ бывшій купецъ, а нынѣ надворный Совѣтникъ Михаилъ Ананьичъ Нуровъ поднесъ Высокопреосвященнѣйшему Митрополиту, по русскому обычаю, хлѣбъ-соль, и привѣтствовалъ его краткою, но отъ души и сердца сказанною рѣчью, въ которой почтилъ великія прежнія заслуги новаго архипастыря первопрестольной Русской столицы, какъ апостола и просвѣтителя многихъ племенъ, населяющихъ Восточную Азію и самую Америку, обратившаго въ нѣдра православной Церкви сотни тысячъ язычниковъ. На сию рѣчь достойный іерархъ отвѣчалъ самую живую и чувствительную благодарностію за сдѣланную ему Екатеринбургскимъ обществомъ честь. Въ слѣдъ за симъ купецъ Гавріиль Ѳомичъ Казанцевъ, какъ представитель екатеринбургскихъ единовѣрцевъ, отъ лица своего единовѣрческаго общества поднесъ архипастырю Московскому отдѣльные хлѣбъ - соль, и сказалъ при семъ также краткою рѣчью, въ которой привѣтствовалъ его съ высокимъ назначеніемъ на архипастырскую кафедру древлепрестольной Россійской столицы, просилъ за своихъ собратій святительскихъ его молитвъ, и выражалъ ему усердное желаніе благополучнаго и счастливаго пути до мѣста новаго и высокаго его назначенія. Двукратнымъ приношеніемъ хлѣба - соли и двумя задушевными привѣтствіями Высокопреосвященный былъ видимо тронутъ до глубины души, и снова искренно благодарилъ всѣхъ и cadaго за такое почтительное вниманіе и расположеніе къ себѣ, выразивъ при семъ, что онъ считаетъ своею священною обязанностию молиться о всѣхъ братіяхъ по вѣрѣ. За симъ онъ съ живою отеческою любовію и благоснисходительностію ко всѣмъ депутатамъ градскаго и единовѣрческаго общества пригласилъ ихъ занять мѣста въ залѣ, и велъ съ ними краткою пастырскую бесѣду.

Въ 11 часовъ утра Высокопреосвященнѣйшій митрополитъ удостоилъ своимъ посѣщеніемъ главнаго начальника Уральскихъ горныхъ заводовъ, генералъ-маіора Александра Андреевича Юссу, который представлялся къ нему еще наканунѣ, потомъ посѣтилъ, представлявшихъ къ нему съ хлѣбомъ - солью, — почетныхъ гражданъ города—градскаго главу—Ивана Анникіевича

Рязанова, Владиміра Кирилловича Казанцева, Гавріила Ѳомича Казанцева и Михаила Ананьевича Нурова. Въ промежуткѣ сихъ визитовъ, по просьбѣ единовѣрцевъ, онъ посѣтилъ единовѣрческую Троицкую церковь, въ подробности осмотрѣлъ все внутреннее, весьма великолѣпное, ея устройство, всю весьма богатую церковную ея утварь, и всеѣмъ видѣннымъ остался весьма доволенъ. Посѣтить же православныя градскіе соборы и церкви, по братности времени, отказался. Возвратившись въ архіерейскій домъ въ концѣ втораго часа по полудни, въ 2 часа вмѣстѣ съ нашимъ Владыкою, по приглашенію игуменіи Магдалены, отправился къ обѣду въ Новотихвинскій дѣвичій монастырь, и на пути предварительно посѣтилъ монастырское училище, назначенное по преимуществу для дѣвиць духовнаго званія и помѣщающееся въ отдѣльномъ домѣ внѣ монастыря, и обозрѣвалъ его во всей подробности, — каковое обозрѣніе доставило ему истинное удовольствіе и утѣшеніе: почему и отозвался, что „былъ бы виноватъ, если бы не посѣтилъ такого полезнаго для духовныхъ дѣвиць заведенія.“ У самыхъ воротъ монастыря духовенствомъ монастырскимъ былъ встрѣченъ со Святымъ и Животворящимъ Крестомъ и Святою водою, у входа же въ пріемныя келліи игуменіи — поднесенными ему отъ святой обители — Тихвинскою иконою Божіей Матери и также хлѣбомъ-солью. При самомъ вступленіи въ монастырь — благословлялъ ставшихъ на пути сестръ монастыря и — послѣ нихъ — весьма многочисленный, собравшійся въ монастырской оградѣ, народъ, который едва дозволилъ ему войти въ самыя келліи игуменіи. Скоро послѣ вступленія въ монастырскія пріемныя келліи, оба архимастыря приглашены были и къ самому обѣденному столу. Предъ обѣдомъ и во время обѣда высокій гость обители подробно спрашивалъ игуменію о первоначальномъ основаніи монастыря, о числѣ его сестеръ, о разнообразныхъ ихъ занятіяхъ, въ особенности о покупкѣ воска, о выдѣлкѣ и продажѣ восковыхъ церковныхъ свѣчъ, о средствахъ къ содержанію монастыря, объ управленіи не малымъ числомъ сестеръ, о письменныхъ занятіяхъ по дѣламъ монастыря, также объ управленіи монастырскимъ училищемъ и въ особенности объ образахъ и способахъ матеріальнаго и экономическаго содержанія духовныхъ воспитанницъ, и на все дѣлалъ свои пастырскія — мудрыя и практическія наставленія и замѣчанія. Во все время обѣда пѣвчія изъ сестеръ монастыря въ смежной залѣ пѣли ирмосы праздничныхъ церковныхъ каноновъ Вознесенія Господня и Святой Пятидесятницы. По окончаніи обѣда, игуменія поднесла высокому гостю въ даръ отъ Тихвинской обители новую — довольно цѣнную архіерейскую митру — собственной монастырской работы, — что очень тронуло Его

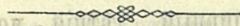
Высокопреосвященство, и за что онъ искренно ее благодарить, и благословлять всю обитель, ввѣренную ей управленію. Еще до посѣщенія монастыря Высокопреосвященнѣйшій архипастырь приказалъ привезти отъ архіерейскаго дома дорожные экипажи для себя и своихъ спутниковъ къ самому монастырю, дабы прямо изъ него отправиться въ дальнѣйшій путь. Но въ остающееся свободное—послѣобѣденное время до привоза экипажей, онъ пожелалъ осмотрѣть монастырскую церковную ризницу, видѣвъ до сего одну—смежную со столовою залою настоятельницы—домовую церковь въ честь и память преподобнаго Θεодосія Тотемскаго,—почему и веденъ былъ теперь въ храмъ Тихвинской Божіей Матери, равно какъ и Успенія Пресвятыя Богородицы, смежно съ коими въ особомъ пространномъ отдѣленіи помѣщается вся монастырская церковная утварь и ризница. Въ Тихвинскомъ храмѣ приложился къ святой иконѣ Тихвинской Божіей Матери, и потомъ благословляя народъ, пошелъ въ ризницу, и разсматривалъ въ ней прежде всего священные церковные сосуды и кресты и наконецъ самую ризницу, восхищался въѣмъ ея богатствомъ и многочисленностію священныхъ облачений, не исключая и архіерейскихъ, изъ коихъ имѣется въ ней до пяти саккосовъ, до трехъ митръ и одна мантія. Послѣ обозрѣнія ризницы слѣдовалъ—среди многочисленной толпы—въ обширный, лѣтній монастырскій Александровскій соборъ, и вступивъ въ оный, молился предъ тремя его алтарями; потомъ разсматривалъ внутреннюю архитектуру онаго, и нашелъ ее—при обширности собора—весьма смѣлою, легкою и величественною. За симъ возвратился въ игуменскія келліи, оставшись весьма доволенъ устройствомъ всего монастыря, и признавъ его самымъ лучшимъ изъ всѣхъ сибирскихъ монастырей. Въ послѣднихъ разговорахъ высокій іерархъ Московскій предсказывалъ городу Екатеринбургъ блестящую будущность, когда въ особенности проведена будетъ чрезъ него желѣзная дорога, и послѣдуетъ измѣненіе въ администраціи всего зауральскаго края. Наконецъ, когда привезены были дорожные экипажи, высокій гость нашего града, по русскому обычаю, сѣлъ, и приказалъ сѣсть въѣмъ гостямъ, потомъ—перекрестившись—всталъ, помолился предъ иконами, и сталъ прощаться съ нашимъ Владыкою, игуменіемъ, съ духовенствомъ города и со въѣмъ прочими братіями и сестрами. Вышедъ изъ келлій монастырскихъ, благословлялъ народъ на всемъ пути до самаго экипажа. Монастырскія пѣвчія запѣли на прощаніи трогательную пѣснь Святаго Симеона Богопріимца: *Нынѣ отпуцаеши раба твоего, Владыко, по глаголу твоему, съ миромъ...* Весь народъ былъ глубоко растроганъ и напутствовалъ отъѣзжающаго навсегда высокаго гостя искреннѣйшими благожеланіями

ему счастливаго и благополучнаго пути, равно какъ и долговременной жизни и всякаго благопоспѣшества свыше на предстоящемъ новомъ, и высококомъ поприщѣ архипастырскаго его служенія. Съѣвъ въ экипажъ, Высокопроев. митрополитъ еще разъ простился и обнялся съ нашимъ Владыкою, потомъ всталъ на ноги и благословилъ народъ на все четыре стороны. Минута эта была торжественная и потрясающая... Въ слѣдъ за симъ ударили во все колокола на монастырской колокольнѣ и потомъ на всѣхъ градскихъ церквахъ; тронулся съ мѣста экипажъ высокаго путешественника, и въ 5 часовъ вечера унесъ его изъ очей нашихъ въ дальнѣйшій путь..., а намъ оставилъ записанное здѣсь—на память одно воспоминаніе о незабвенномъ поощреніи имъ нашего града.

Священникъ Филаретъ Зубаревъ.

Екатеринбургъ.

Мая 17-го дня 1868 года.

Редакторъ, Ректоръ семинаріи, Архимандритъ Александръ.

Дозволено цензурою. Пермь. 3 іюня 1868 г.

Печатано въ типографіи Поповой.